

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

891.7208 .D775

C.1

Drevne-russk iŕi a dra

Stanford University Libraries

3 6105 048 508 381

===== GIFT OF =====

The Putnam Foundation

=====

фигура

КОМЕДИЯ ПРИТЧИ
ПРИЛОГЪ

Вѣтородній Вѣточѣстивій
Гдѣне премилостивій

Нѣтъно слово вѣматѣ держитѣ
Аноже сѣще что дѣломъ авитѣ

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. И. КУКИНОВА.
ТОМ ПЕРВЫЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Зачатки драмы в древнерусских сказках. — Денное дѣйство и вертепъ. — Мистеріи. — Пастырь и волкъ. — Мелодраммы. — Владычирь. — трагедіи. — Прологи. — Литургическія статьи.

Изданъ въ С.-Петербургѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданъ въ С.-Петербургѣ, въ Типографіи А. Казанская ул., № 8.

1898.

фигура

КОМЕДИЯ ПРИТЧН
ПРИЛОГЪ

Второй Влчвствий
дѣръ премилостивый

Нѣтъ словъ внимати держитъ
акоже еще что дѣломъ авитъ

Древне-русскія драматическія произведенія

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVI-й.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи. — Пещное дѣйство и вертепъ. — Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навходоносорѣ, — „Владимиръ“, трагедіокомедія Теофана Прокоповича. — Объяснительныя статьи.

~~~~~
Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1898.

891.7208
D775

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Ноября 1897 г.

Предисловіе.

Содержаніемъ настоящаго выпуска служатъ произведенія народной поэзіи, въ которыхъ обнаруживаются зачаточные элементы драмы, которые, дифференцируясь все болѣе и болѣе, въ послѣдствіи образовали особый родъ словеснаго искусства, а также древнѣйшіе образцы вполне обособившейся драмы: мистерія Симеона Полоцкаго и трагедокомедія Теофана Прокоповича, съ нѣкоторыми промежуточными формами, въ родѣ вертепа и пещнаго дѣйства. При классномъ изложеніи теоріи драмы, преподавателю, по необходимости, приходится сообщать ученикамъ и нѣкоторыя свѣдѣнія относительно возникновенія и послѣдовательнаго развитія этого рода поэтическихъ произведеній. Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, упоминается лишь объ этихъ эмбриологическихъ формахъ драмы, непосредственное знакомство съ которыми рѣдко выпадаетъ на долю учениковъ. Намъ казалось болѣе цѣлесообразнымъ—и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ—предложить самые памятники, ознакомленіе съ которыми, весьма важное въ смыслѣ основательности знанія, не потребуетъ много времени.

Возникнувъ у насъ, какъ и на западѣ, на почвѣ обрядовой пѣсни, въ тѣсномъ сліянніи съ зачатками эпоса и лирики, драматическій элементъ въ русской

поэзіи не получилъ дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Занесенные къ намъ изъ Польши западно-европейскіе образцы мистерій и школьной драмы, а позднѣе псевдо-классической, послужили новой моделью, по которой составлялись и переводились нашими писателями драматическія произведенія—вплоть до того времени, когда послѣднія стали являться уже плодомъ совершенно самобытнаго творчества.

Въ предлагаемомъ выпускѣ, собрано нѣсколько обрядовыхъ пѣсень, игръ и самыхъ обрядовъ, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно обрисовывается драматическій элементъ, въ смыслѣ мимики и діалога. Затѣмъ, приводятся свѣдѣнія о внѣшнемъ устройствѣ и содержаніи такъ называемыхъ вертепа и печнаго дѣйства, какъ болѣе опредѣленной, хотя и заносной, формы драматическихъ представленій. Вслѣдъ затѣмъ, мы сочли умѣстнымъ помѣстить текстъ мистеріи, избравъ для этого, безспорно, лучшую и типичнѣйшую—„О Навходоносорѣ царѣ“ Сумеона Полоцкаго (1673—1678), представляющую драматизированную обработку печнаго дѣйства, которое Сумеонъ Полоцкій находилъ слишкомъ грубымъ. Въ заключеніе, какъ образчикъ школьной драмы, напечатана трагедокомедія „Владиміръ“ Теофана Прокоповича (1704), о которой Н. С. Тихонравовъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Человѣкъ впечатлительный, чуткій къ вопросамъ современности, одаренный паблюдательностью и тонкимъ юморомъ, Теофанъ не могъ принести своихъ наблюденій въ жертву символическому и аллегорическому стилю школьнаго дѣйства. Онъ попытался ввести въ свою пьесу психологическій мотивъ, изображая внутреннюю борьбу, пережитую Владиміромъ, и далъ хотя и каррикатурно-преувеличенную, но не-

обыкновенно яркую и рѣзкую характеристику противниковъ просвѣщенія—жрецовъ¹⁾.” Въ своей трагедокомедіи Теофанъ Прокоповичъ впервые поставилъ школьную драму на такую высоту, какой она прежде никогда у насъ не достигала. Рекомендую, въ своей пиктикѣ, Сенеку, какъ образцоваго трагика, и Плавта съ Теренціемъ, какъ образцовыхъ комиковъ, Теофанъ и самъ послѣдовалъ примѣру этихъ писателей. Въ его трагедокомедіи, мы видимъ почти безукоризненное соблюденіе трехъ единствъ, отсутствіе аллегорическихъ фигуръ; дѣйствующія лица являются не отвлеченными схемами, а живыми людьми, съ ясно опредѣленнымъ характеромъ; въ положеніи героя есть драматическая коллизія; наконецъ, въ изображеніи жрецовъ, напоминающемъ Плавтовскихъ паразитовъ, есть и типическія черты. Словомъ, „Владиміръ“ Теофана нельзя не признать лучшимъ образцомъ школьной драмы, находящимся въ полномъ соотвѣтствіи съ общепринятыми пиктическими правилами XVII—XVIII вв.

Ознакомившись съ этими двумя піесами, читатели получаютъ вполне достаточное понятіе о древне-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ, слѣдующею ступеню въ развитіи которыхъ являются уже трагедіи Сумарокова.

Къ книгѣ приложены четыре объяснительныя статьи, содержаніе которыхъ является необходимымъ комментариемъ къ тексту. Затѣмъ, въ приложеніи воспроизведена копія современной гравюры, передающая внѣшній видъ сцены театра того времени.

---

¹⁾ Чтен. въ Общ. ист. и др. 1862, I, 26.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.	I

I) ЗАЧАТКИ ДРАМЫ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА.

Святочныя игры и пѣсни.

1) Выборъ невѣсты.	1
2) Зайцька	2
3) Коза.	3
4) Сѣяніе проса.	6
5) Свадьба.	7

II) НАЧАЛО ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

1) Вертепъ	16
2) Пещное дѣйство	21

III) МИСТЕРІЯ.

Мистерія о Навходоносорѣ царѣ, <i>Стеона Полоцкаго</i>	24

IV) ТРАГЕДОКОМЕДІЯ.

Владиміръ, трагедокомедія <i>Геофана Прокоповича</i>	35

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1. Драматическій элементъ въ народной поэзіи, изъ ст. <i>П. О. Морозова</i>	91
2. Средневѣковыя мистеріи, изъ ст. <i>П. Пекарскаго</i>	98
3. Вертепная драма, изъ ст. <i>Н. С. Тихонравова</i>	105
4. Значеніе кievской драмы для русскаго театра, изъ ст. <i>Петрова</i>	112

І. ЗАЧАТКИ ДРАМЫ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА ¹⁾.

СВЯТОЧНЫЯ ИГРЫ И ПѢСНИ.

1) Выборъ невѣсты.

Играющіе раздѣляются на деревенскихъ жителей и бояръ и становятся другъ противъ друга. При пѣніи перваго стиха, выступаетъ, медленно двигаясь, впередъ парень, представитель боярскаго ряда. При пѣніи второго, такимъ-же порядкомъ, выходитъ представитель деревни, потомъ опять боярскій рядъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока бояринъ не выберетъ себѣ невѣсты.

Деревня. Да пусти въ хороводъ!

Ай да ли года! (Припѣвъ, повторяющійся послѣ каждого стиха).

Бояринъ. Да зачѣмъ въ хороводъ?

Деревня. Дѣвицъ любить.

Бояринъ. Покажи женишка.

Деревня. Вотъ мнѣ женишокъ!

Бояринъ. Покажи шапку.

---

¹⁾ Такого рода зачатками слѣдуетъ признать: воспроизведеніе дѣйствій и діалогъ—два существеннѣйшіе признака драматическаго произведенія. Въ древнѣйшую пору народнаго творчества, на ряду съ лирико-эпическимъ содержаніемъ, нерѣдко проявляются и эти два элемента, изъ которыхъ впоследствии, мало по малу, при посредствѣ цѣлаго ряда промежуточныхъ формъ, выдѣляется и обособляется драма въ ея болѣе сложномъ и совершеннѣйшемъ видѣ.

Деревня. Вотъ мнѣ шапка.
Бояринъ. Покажи мнѣ кафтанъ.
Деревня. Вотъ мнѣ кафтанъ.
Бояринъ. Покажи мнѣ кушачекъ!
Деревня. Вотъ мнѣ кушачекъ!
Бояринъ. Кая тебѣ невѣста любя?
Деревня. Вотъ мнѣ эта любя и т. д.
(Симбирской губ.).

2) Заинька.

Гдѣ ты былъ, зайнька?
Гдѣ ты былъ, бѣленькой?
— Въ огородѣ, пане мой,
Въ огородѣ, душа мой,
Зайнька, да бѣленькой!
— Чтожъ тамъ дѣлалъ, зайнька,
Чтожъ тамъ дѣлалъ, бѣленькой?
— Я капустку шипалъ,
Я бѣлую ломалъ.
— Не били-ль тебя, зайнька,
Не били-ль тебя, бѣленькой?
— Били, били, пане мой,
Били, били, душа мой!...
— Какъ-же ты били, зайнька,
Какъ-же ты били, бѣленькой?
— По бокамъ кулаками,
По загривку руками.
— Плакалъ-ли ты, зайнька,
Плакалъ-ли ты, бѣленькой?
— Плакалъ, плакалъ, пане мой!
Плакалъ, плакалъ, душа мой!
— Какъ-же ты плакалъ, зайнька,
Какъ-же ты плакалъ. бѣленькой?
— Алымъ платочкомъ глазки утиралъ,
Лапочками носикъ сморкалъ. (Орлов. губ.).

3) К о з а.

Въ сѣверо-западномъ краѣ, наканунѣ новаго года, нѣсколько молодыхъ парней собираются въ какую-нибудь избу, преимущественно малосемейную, и здѣсь наряжаютъ козу. Самаго смышленнаго изъ парней одѣваютъ въ тулупъ, вывороченный па изнанку; на ноги надѣваютъ ему другой тулупъ, тоже вывороченный, и оба тулупа скрѣпляютъ у пояса веревкой. Лицо этой козы вымазываютъ сажей или надѣвается на него маска; на голову надѣвается шапка, къ которой прикрѣплены рога изъ лозы или соломы. Въ руки ему дается упряжная дуга, на которую онъ садится верхомъ, и—коза готова. Неразлучными спутниками ея являются: дѣдъ, вожакъ, цыганки и музыка съ пѣсенниками.

Въ дѣды выбираютъ тоже молодого парня, способнаго играть эту роль. Кромѣ ветхой изорванной одежды, покрывающей дѣда, ему надѣваютъ на лицо маску изъ березовой коры, на которой красуется огромный буракъ, служащій вмѣсто носа, и прорѣзывается въ маскѣ небольшая дырочка противъ рта и такія же двѣ дырочки на мѣстѣ глазъ.

Обязанность дѣда состоитъ въ томъ, чтобы занимать хозяина во время представленій „козы“ веселымъ разговоромъ, шутками и подбивать его нюхательнымъ табачкомъ, для чего у дѣда и имѣется своя табакерка, наполненная золою; отъ такого угощенія хозяинъ, разумѣется, всегда отказывается, при чемъ онъ, въ знакъ благодарности, старается поджечь бороду дѣду, что ему часто и удается. Впрочемъ, за эту выходку дѣдъ не сердится и, по выходѣ изъ хаты, привязываетъ себѣ другой клокъ пеньки на мѣстѣ сгорѣвшей бороды.

Молодые парни тоже наряжаются цыганками, одѣваясь въ женское изношенное платье и вымазывая себѣ лицо сажею. Обязанность этихъ парней — ворожить, или угадывать будущее.

За ними уже слѣдуютъ „важачій“, „музыки“, „пѣсильники“ и парни въ натуральномъ своемъ видѣ. Нарядившись

*

такимъ образомъ, вся эта толпа начинаетъ обходить крестьянъ изъ конца въ конецъ селенія, при чемъ безъ предварительнаго спроса: „позвольте намъ, хозяинъ, погулять“, никто не войдетъ въ хату.

Получивъ дозволеніе, всѣ гурьбою входятъ въ хату, и пѣсельники подъ однообразный танецъ козы начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню:

Ой ну—ну коза,
Ой ну—ну сѣра!
Поворачайся,
Ни забувайся!
То на сей бочокъ,
То на той бочокъ,
То на рожечки,
На капуцики,
На золотые,
На дорогіе.
Дзѣ коза ходзиць,
Тамъ жита родзиць;
Дзѣ коза хвостомъ,
Тамъ жита кустомъ;
Дзѣ коза ногою,
Тамъ жита копою;
Дзѣ коза рогомъ
Тамъ жито стогомъ.
— Ой пошла коза
У цемныя ляса,
У вишневы сада.
Ой у томъ саду
Хлопцы молодцы
Хочуць козу биць,
Хочуць облупиць,
Маши шубу шиць.
Тая козынька
Забоялася,

За ницые лозы
Заховалася.
Ой прибѣгъ воучокъ
Да за козыньку,
А воучанята
За козенята.
Ой прибѣгъ заяцъ
Стау козу лаяць:
Ой ты, козица,
Старая псица!
Не ходзиць було
У цемныя ласы,
У вишневя сады.
Не звѣдпаць було
Дей винограду.
Узела-бъ серпокъ,
Попшла-бъ ты въ сцелокъ,
Нажала-бы снопокъ
Да змолопила,
Свое козенятка
Дей накормила.

Тутъ, прохаживавшаяся до сихъ поръ и поворачивавшаяся съ боку на бокъ, коза падаетъ наземь, при чемъ поютъ:

Пуць коза упала,
Здохла, пропала!
Господарь идзе,
Каляду нясе,
А господарыня идзе,
Кылбасу нясе.
Я на рожаньки
Два пирожаньки,
Я на хвосточекъ
Сала кусочекъ.

— Ой ты, козица,
Дей не лѣнися
По всяму двору
Дей расходзиса!

При этихъ словахъ, лежавшая на полу, коза встаетъ и
начинаетъ кланяться, какъ говорится далѣе въ пѣснѣ:

Приступься близко,
Уклонься низко:
Хозяину такъ,
Такъ якъ пану!
Господзинѣ такъ:
Такъ якъ малинцѣ.
Тые улицы
Разлегающа
Хозяинѣ дочкой
Не цураецца:
Возьми, казаче,
Нехай не плаче,
Дамъ пару собакъ,
Поѣдзешъ и такъ,—
Вязку соломы
Їдзьце до дому.

4) Сѣяніе проса.

Пѣсня эта играется, т. е. разыгрывается, поется вмѣстѣ
съ игрою, въ весеннее хороводное время. Два хора становятся
одинъ противъ другого.

I-й хоръ.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидь-ладо, сѣяли!

II-й хоръ.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидь, и т. д.

- I. А чѣмъ же вамъ вытоптать?
II. А мы коней выпустимъ.
I. А мы коней перейдемъ.
II. А чѣмъ же вамъ перенять?
I. Шелковымъ мы поводомъ.
II. А мы коней выкупимъ.
I. А чѣмъ же вамъ выкупить?
II. А мы дадимъ сто рублей.
I. Не надо намъ тышчи.
II. А что же вамъ надобно?
I. Намъ надобно дѣвицу.

(Въ это время, изъ второго хора переходить дѣвушка въ первый).

- II. Нашего полку убыло.
I. Нашего полку прибыло.

(Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ изъ второго хора въ первый).

5) Свадьба.

На другой день послѣ вечерины, назначается свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, готовится къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранымъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣлешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горячимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспалось-ли родной матушки,
Проспала-ль она эту ночиньку?
А какъ мнѣ-ли, молодешинькѣ,
Не спалась мнѣ темна ночинька,

Не спала я, думу думала:
Подошли-то морозы лютые,
Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготавливаетъ столъ, такъ называемый „княжій“. Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

Вереюшки пошатнулися,
Вороточки распахнулися,
Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
А ужъ Марѳушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ нову горенку вошелъ,
Ужъ какъ Марѳушку за рученьку беретъ,
Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней ножки подкосилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужъ какъ Марѳа ужахнулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время, приѣзжаютъ дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
 Ты возьмись-ко-ся саблю вострую,
 Засѣки пути, дороженьки,
 Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
 Да еще горькимъ осинничкомъ,
 Чтобы не напали мои недруги:
 Разлучать они меня, молодешиньку,
 Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
 Да и съ милнымъ подруженькомъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ дружки, и спрашиваетъ:

„Что вы за люди?“

Дружки. Мы дружки,
Вѣрные служки,
Отъ князя молодого,
Отъ Арсенія Михайловича.

Братъ. Просимъ милости войти!

Дружки. Намъ некогда: мы пріѣхали узнать, готова-ли невѣста?

Братъ. Готова.

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки, въ это время, стоятъ около стола.

Дружки. Есть-ли въ этомъ домѣ хозяинъ?

Дѣвушки. Есть.

Дружки. Дайте намъ дубоваго стола—

Поставить нашего князя подъ святые образа.

Обращаясь къ дѣвушкамъ:

Что вы за люди?

Дѣвушки. Молодой княгини вѣрныя служаночки.

Дружки. Гдѣ же княгиня? Отчего она не снаряжена и за столъ не посажена?

Дѣвушки. Наша княгиня въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ.

Дружки. Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ.

Дѣвушки. Дайте намъ золотой казны!

Дружки. Кидаютъ мѣдныя деньги.

Дѣвушки. Наша княгиня больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть мельнѣхъ, да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ износили, косу княгини расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти.

Дружки. Высыпають на столъ серебро.
Дѣвушки. Нашей княгини руса коса стоитъ больше этихъ
стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную
пуговицу); у нашей княгини вотъ какія деньги
есть, а за эти ваши стекла не отдадутъ невѣсты.

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагода-
ривъ, спрашиваютъ: Покажите намъ,

Кто краснѣя красна солнышка,
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца?

Дружки. Выводятъ жениха на середину избы.
Дѣвушки. Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать
со двора!

Дружки даютъ пирогъ, чашку пива и мѣдную деньги и
говорятъ:

Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль своя.

Дружки посадятъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ
съ невѣстой, поставятъ на столъ принесенную съ собой за-
куску и водку, угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ,
а потомъ невѣстиныхъ родныхъ. Когда они кончатъ, то не-
вѣста говоритъ:

Невѣстина хлѣбъ-соль тоже не поганая!
и подаетъ три какія-нибудь блюда, а четвертое: пряженники,
которые раскладываютъ каждому, и всякій, кто ихъ ѣстъ,
обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ-за
стола, поютъ пѣсни жениху, который съ невѣстой и съ по-
ѣзжанами сидитъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ничего
не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать.

Да ужъ кто-жъ тебѣ, Арсеній князь,
Чесаль буйну голову,
Завиваль тебѣ русы кудри?—
Чесала родная матушка,

Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряжену,
По Аграфену-то Максимовну.—
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дятятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодарить дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запѣютъ:

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій,
Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
Да за занавѣсъ заглядывалъ,
Все за шитую, за бранную,
Онъ высматривалъ, выглядывалъ
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;
Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать;
Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
Ты, Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ,
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодарить дѣвушекъ, и онѣ запѣютъ:

Тебѣ спасибо, князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть—
Отъ тебя дары пошли,

Отъ тебя великіе,
Съ поклономъ низкимъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни, сваха вкладываетъ руку неvěсты въ руку жениха. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить. Когда отобѣдаютъ, дружки говорятъ отцу и матери неvěсты:

Умѣли дитя вскормити,
Умѣйте и благословити!

Дружки, обращаясь ко всѣмъ:

Званные и бранные, благословите!

Неvěста заплачетъ въ голосъ:

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатства;
 Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу-матери!

Неvěста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ поведетъ неvěсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Ударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услышала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
Ко мнѣ сваты ѣдутъ,

Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Приударъ во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Арсеньева матушка,
Услыхавши, возрадовалась:
Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ
Со златомъ, со серебромъ,
Со крупнымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни, поѣздъ отправляется въ путь: впередъ ѣдутъ дружки, потомъ женихъ съ посаженнымъ отцомъ, который называется тысяцкимъ; въ третьихъ саняхъ ѣдутъ бояре, а сзади всѣхъ невѣста со свахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется возилой. Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: „У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!“

Невѣста даетъ ему полотенце, что повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки и даже большіе мужики загораживаютъ путь поѣзду, и дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста, въ это время, находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ закрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣ-

которое время съ мужиками, кто лучше: женихъ, или невѣста, запюють извѣстную уже пѣсню:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Вылетало лебедей стадо,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что къ стаду сѣрымъ гусямъ,
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щипите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетала;
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею, и проч.

Послѣ этой пѣсни, запюють:

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнеть,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто-жъ тебѣ отъ роду милъ?—
А милъ мнѣ, миленецъ родный батюшка,
Помилѣе того родна матушка.—
А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная;
Скажи, скажи, Аграфенушка, правду всю,
Скажи, скажи, Максимовна, истинную!—
Я скажу, младешенька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ милешенекъ Михайловичъ!

Послѣ этого, сваха и свекровь начинаютъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ ноло-

тенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые воротятся, то свекровь начинаетъ изъ сундука дарить дары роднымъ, а невѣста, кланаясь, просить ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины; молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ мести избу, и въ это время бросаютъ деньги.

Этимъ кончается свадьба. Всѣ разъѣзжаются.

II. НАЧАЛО ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

1) Вертепъ.

Ученики кіевскихъ школъ XVII вѣка, во время святокъ, ходили по домамъ съ вертепомъ или райкомъ, представлявшимъ Рождество или Воскресеніе Христово. Вертепъ состоялъ изъ ящика въ два этажа, сдѣланнаго изъ картона и тонкихъ досокъ: въ верхнемъ этажѣ, окруженномъ баллюстрадою, представлялась мистерія Рождество Христово, а въ нижнемъ помѣщался тронъ Ирода. Полъ оклеивался мѣхомъ, чтобы не выдали отверстій, по которымъ двигали куколъ. Каждая изъ нихъ прикрѣплялась къ проволоку, концами которой подъ ящикомъ управлялъ хозяинъ вертепа. Разговоръ отъ лица куколъ велся дядьками, пѣвчими и бурсаками, то пискливымъ голосомъ, то басомъ. Пьеса же самая раздѣлялась на двѣ части. Въ первой слѣдующія дѣйствующія лица: пономарь, въ обыкновенномъ сѣромъ нанковомъ халатѣ; волосы съ проборомъ по срединѣ головы и съ косою; два ангела съ крыльями и одинъ изъ нихъ съ лиліею; два пастуха въ обыкновенныхъ кобенякахъ съ видлогами; Иродъ въ парчевомъ кунтушѣ съ короною на головѣ и со скипетромъ; тѣлохранитель Ирода въ чешуйчатыхъ латахъ, въ шлемѣ и съ огромнымъ мечемъ; три царя восточныхъ въ парчевыхъ кунтушахъ съ коронками на головахъ, вмѣстѣ всѣ три связаны другъ къ другу плотно и въ такомъ положеніи движутся; сатана черный, съ хвостомъ, крыльями летучей мыши, огромными рогами и уголькомъ во рту; на рукахъ пальцы съ ког-

тами, ноги лошадиныя; смерть—скелетъ съ косою; Рахиль въ еврейскомъ костюмѣ съ ребенкомъ на рукахъ; воины съ копьями, въ племахъ и латахъ.

Кромѣ разговоровъ этихъ лицъ между собою, въ пьесѣ иногда поетъ за сценой хоръ, объясняющій и дополняющій все представленіе. Пьеса именно открывается хоромъ:

Пѣнію время и молитвъ часъ,
Христе рожденный, спаси всѣхъ насъ!

Пономарь (*речитативъ*).

Возстаните отъ сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвѣстите.

Сіе вамъ, людіе, охотно глаголю,
И благословите: пойду, да позволю.

Затѣмъ подходитъ къ колоколу, который виситъ въ нижнемъ этажѣ, и звонитъ; въ то же время, выдвигаются въ верхнемъ этажѣ горящія свѣчи и освѣщаютъ фонъ, гдѣ предполагается колыбель Спасителя.

Потомъ являются ангелы, возвѣщающіе пастухамъ о рожденіи Христа: монологи ихъ сильно напоминаютъ мистерію, сочиненную Дмитріемъ Ростовскимъ и, навѣрное, не безъ вліянія вертепной драмы, но за то и съ разными книжными прикрасами.

Далѣе слѣдуютъ: пришествіе трехъ царей, руководимыхъ звѣздою, на поклоненіе Спасителю; Иродъ, повелѣвающій избіеніе младенцевъ; Рахиль, ребенка которой прокалываетъ воинъ, по повелѣнію Ирода; наконецъ, смерть и бѣсъ, приходящіе за Иродомъ, уносимымъ въ адъ—вотъ содержаніе первой части вертепа. Во второй выведены на сцену разныя лица изъ обычной жизни. Выведенныя тутъ лица и говорятъ, и дѣйствуютъ такъ, какъ должны были говорить и дѣйствовать настоящіе люди. Несомнѣнно, что этотъ отдѣлъ вертепа явился въ Малороссіи въ подражаніе польскому: въ XVII столѣтіи не только представлялись, но и печатались въ Польшѣ драмати-

ческія пьесы, гдѣ на сцену выводились народныя типы съ тѣми особенностями въ языкѣ, даже выговорѣ, съ которыми они встрѣчались въ жизни.

Въ малороссійскомъ вертепѣ встрѣчаемъ цыгана-бѣдняка и лошадиного барышника, жида, непременно труса и съ горилкой. Полякъ въ вертепѣ является съ претензіями на шляхетство и съ мѣткимъ отпѣнкомъ національной хвастливости; при немъ хлопецъ, котораго онъ грозитъ поколотить батогами. Полякъ такъ говоритъ къ зрителямъ:

А цо, пановѣ?

Же бы вы знали, цо я естемъ за дзядя

Изъ прадзядя шляхтичъ уродзений!

Я былемъ ве Львовѣ,

Былемъ и въ Краковѣ,

Былемъ и въ Кійовѣ,

Былемъ и въ Варшавѣ,

Былемъ и въ Полтавѣ,

Былемъ и въ Богуславѣ.

Падамъ до нугъ ясневельможного пана:

Жычу здровья и многа лята!

Но за то, въ вертепѣ запорожець надѣленъ всѣми геройскими, по мнѣнію малоросса, качествами: онъ колотитъ цыгана, убиваетъ жида, ему даже и самого чорта прибить ничего не значить. Ненавистная козакамъ унія не пройдена въ вертепѣ безъ осмѣянія. Уніатскіе духовные были охотники до пропаганды, и вотъ на сценѣ попъ-уніать собирается ни съ того, ни съ сего исповѣдывать запорожца:

Признавай грѣхы предо мною, покайся;

Предъ схизматскими попы не признавайся.

Запорожець.

Чого соромляться, паноче, розкажу, що знаю.

Уніатскій попъ.

Благо сотвориши, аще ничего не утаиши.

Запорожець.

Я зъ малку мандрую по свиту
. . . . .
Не бивъ уніатскихъ я попывъ,
Съ живыхъ зъ ихъ кожу я лупывъ.
Воны надъ козакомъ ждуть смерти,
Щобъ въ домовину скорійше заперты;
Таскають, спивають, сміються,
А на поминкахъ, якъ напьются,
Дакъ тыльки не танцюють,
Мовъ, кони козацьки гарцюють.

Уніатскій попъ (*дрожачимъ голосомъ*).

Треба тобі до косціола ходыть,
Часты поклоны треба быть.

Запорожець.

Ә! бачъ? Я зъ вику въ косціоль не ходывъ,
Поклонывъ не бывъ, хйба тебѣ побью.

(*Уніатъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ*).

Послѣ того, запорожець издѣвается надъ двумя чертами
и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту:

Що се я піймавъ? чи се птычка?

Чи перепылычка?

Чи се тая сынычка,

Що вона й не дыше,

Тыльки квостыкомъ колыше?

и т. д.

Любопытны также народныя насмѣшки надъ своими
книжниками, учителями дѣтей:

Дьячокъ.

Дай Богъ здравствовать, Климе!

*

Клымъ.

А дай Боже, пану бакаляру!
Ты нашъ таки, кондяче;
Возьмы собі отсю свиню,
Бо въ городъ все скаче.

Дьячокъ.

Ци, ирць, ци ирць, ферчикъ!
Иже, виды, азъ, нашъ, есть,
Спыши ко мнѣ зѣло.
Климій сотворилъ намъ честь,
Давъ свиняче тѣло.

(Тѣже и Иванецъ).

Иванецъ.

Азъ путешествую, кое ваше дѣло?

Дьячокъ.

Вземъ сіе бремя, несы въ наши клѣти.

Иванецъ.

Помозити ю на рамо подъяти...
Потомъ дьякъ благодаритъ Клима за свинью:
Геваль, Амонъ и Амалыкъ
И вси живущи въ Тыри,
Возрадуются доброты
И воспоютъ въ Эфири.
Мы вашу обреченну жертву
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностью приѣмлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

Клымъ.

И тоби тее-жъ одъ насъ, пане кондяче.

(Дьякъ уходитъ).

Дывись, якъ дьякъ подьяковавъ гарно,
Що ажъ въ мене слезы въ вичю навернулись,

Да правда есть за щой дѣяковать:

Свѣня хочь куды свѣня,—

Рѣбра такъ и свѣтятся.

(Пекарскій, Наук. и Литер. при Петръ В.).

2) Пещное дѣйство.

Такъ называемый обрядъ „пещнаго дѣйства“, отправлявшийся предъ Рождествомъ Христовымъ по нѣкоторымъ городамъ Россіи XVIII вѣка, замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ можно видѣть переходъ отъ церковныхъ процесій къ представленіямъ изъ св. исторіи. Въ этомъ обрядѣ, къ обыкновенной архіерейской службѣ присоединялось нѣсколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлю напомнить событіе изъ исторіи ветхаго завета о вверженіи въ пещь трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила.

По этому случаю, въ среду, въ церкви, разбиралось большее паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась пещь. Во всюнощную, весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, при чемъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи „въ халдейское платье“. Богослуженіе должно было происходить безъ всякихъ отмѣнъ, съ нѣкоторою только торжественностью. При выходѣ предшествуетъ „халдей предъ отроки со свѣчею халдейскою, и по немъ отроки со свѣчами, а другой халдей по отроцѣхъ“. Пещное дѣйство производилось во время заутрени. Тогда, какъ и во всюнощную, отроки и халдеи, притомъ первые съ зажженными свѣчами, предшествуютъ святителю. По окончаніи пролога, протопопъ и священники поютъ приличныя обстоятельствомъ священныя пѣсни. Въ это время, руки отроковъ обвязывались полотенцемъ, и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. „Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ пещи, и станутъ отроки и халдеи, указуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаголетъ

первый халдей ко отрокамъ: „Дѣти царевы!“ Другіи же халдей поддваиваетъ тое же рѣчь: „царевы!“ И первый глаголетъ халдей: „Видите ли сію печь огнемъ горящу и вельми распаляему?“ И паки второй глаголетъ халдей: „А сіе печь уготовася вамъ на мученіе“. И потомъ Ананія отвѣщаетъ: „Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ее; есть бо Богъ нашъ на небеса, Ему же мы служимъ: Той силенъ изъяти насъ отъ печи сея“. И по семъ Азарія глаголетъ: „И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ“. Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: „А сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“... По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся опять около печи. И въ то время „единъ халдей кличетъ: „Товарищъ!“ другой же халдей отвѣщаетъ: „Чего?“ И первый халдей глаголетъ: „Это дѣти царевы?“ а другой халдей поддваиваетъ: „царевы“. Первый же глаголетъ: „Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?“ а другой отвѣщаетъ: „Не слушаютъ“. Первый же халдей говоритъ: „А златому тельцу не поклоняются?“ а другой халдей: „Не поклоняются“. Первый халдей говоритъ: „И мы вкнемъ ихъ въ печь“; а другого отвѣтъ: „И начнемъ ихъ жечь!“ Послѣ того дѣтей вводятъ въ печь, и халдеи дѣлають видъ, что разводять огонь подъ нею. Въ это время, хоръ пѣвчихъ, протодіаконъ, отроки въ печи поють священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“, „сходитъ ангелъ Господень въ печь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ“... Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, падали, а діаконы опаляли ихъ при помощи свѣчъ и травы плауна. При этомъ случаѣ, опять завязывается разговоръ между халдеями; 1-й говоритъ: товарищъ? 2-й откликается: чего? — 1-й: видиши-ли? — 2-й: вижу. — 1-й: „Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію. — 2-й: „Какъ онъ прилетѣлъ и насъ побѣдилъ“.—Послѣ того продолжаютъ священныя пѣсни, халдеи выпускають изъ печи отроковъ, служба продолжается по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкото-

рыхъ обрядахъ участвуютъ отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Послѣ утрени, печь снималась, изображеніе ангела тоже, въ церкви все приводили въ прежній порядокъ, но въ продолженіи обѣдни и вечерни того дня въ богослуженіи еще участвовали и отроки, и халдеи.

Отсюда видно, что здѣсь, если исключить богослуженіе и обыкновенныя пѣснопѣнія, драматическаго собственно остается разговоръ халдеевъ и введеніе дѣтей на костеръ. Простота обряда, незамысловатыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ показываютъ достаточно, въ какомъ младенествѣ находилось драматическое искусство и какъ немногаго требовалось, чтобы произвести впечатлѣніе на зрителей; но какъ бы то ни было, въ исторіи нельзя пройти молчаніемъ о „пещномъ дѣйствіи: оно справедливо можетъ считаться зародышемъ сначала мистерій и религіозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ.

Одна изъ пещей, употреблявшихся при этомъ обрядѣ, уцѣлѣла до нашего времени: она сначала находилась въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а нынѣ ее можно видѣть въ Петербургѣ, въ академіи художествъ. Печь деревянная, въ родѣ круглаго шкафа, съ боковымъ входомъ на подмости, состоятъ изъ 12 столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ деревянномъ основаніи и продолжающихся во всю высоту печи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣку, въ одеждѣ, съ поднятыми кверху руками; на рукахъ и головахъ ихъ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ, шириною побольше четверти аршина; на брусьяхъ поставлены продольныя доски числомъ 10, оканчивающіяся полукружіемъ; на каждой доскѣ по три рѣзныхъ святыхъ, въ круглыхъ и продолговатыхъ рамкахъ. Изображеній святыхъ, въ настоящее время, уже нѣтъ, а видны только мѣста, на которыхъ они находились. Столбики и доски обложены мелкою рѣзбою, вызолоченною; на столбикахъ, по мѣстамъ, есть рѣзные херувимы.

III. МИСТЕРІИ.

О Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи не сожженныхъ.

Сумеона Полоцкаго.

1628—1680.

ПРЕДИСЛОВЕЦЪ.

Благовѣрнѣйшій, пресвѣтлѣйшій царю,
Многихъ царствъ и князствъ правый государю,
Пречестнымъ вѣнцемъ благоувѣнчанный,
Всѣмъ православнымъ яко солнце данный,
Да намъ свѣтиши яснѣ добротами,
Яко же солнце свѣтлыми лучами!
Велій есть свѣтъ твой, тьмѣ одолѣваетъ,
Мракъ безвѣрія весьма отгоняетъ.
Адамантъ въ златѣ нѣстъ толико красенъ,
Яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
Бога во Троицѣ ты едина чтиши,
И должный поклонъ любезно твориши
Подъ нозѣ Его главу ти смиряя,
Со смиреніемъ кротость соблюдая.
Что либо сану царску приличествуетъ,
То святая ти душа державствуетъ,
Доброты гнѣздо положиша въ тебѣ,
Во сердцѣ твоємъ живутъ, яко въ небѣ.

Навходоносоръ не тако живяше,
Аще и скупетръ въ десницѣ держаше:
Тьмою невѣрства бѣ онъ помраченны,
Веліимъ чудомъ едва просвященны.
Къ тому гордости въ сердца исполнися,
Всѣхъ боговъ паче самъ быти возмнися.
Образъ свой людямъ повелѣлъ бѣ чтити,
Не послушавшихъ во пещи спалити.
Тріе отроцы во огнь вовержени,
Но отъ ангела цѣло сохранени,
Имъже царь чудомъ къ вѣрѣ приведеса,
Честъ же отрокомъ велика дадеса.
То комидійно мы хоцемъ явити
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
Княземъ, бояромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердець. Здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните.

(Посемъ да играютъ).

*Изыдетъ Навходоносоръ съ бояры и слугами шестію чело-
вѣкъ, а вооруженныхъ вой за ними станетъ шесть же че-
ловѣкъ. Царь убо, съдѣ на мѣсть уготованномъ, начнетъ
глаголати:*

Вѣрніи раби, бояре, дворяне
И вси царствъ нашихъ славніи земляне!
Видите крѣпость десницы моя:
Вся побѣжденни суть страны отъ нея;
Никто противу возможе ми стати,
Весь міръ единъ азъ имамъ одержати,
Всякихъ странъ бози съ нами не дерзають.
Насъ Бога боговъ отднесъ вси да знаютъ!
Тѣмъ же умыслихъ образъ сотворити
Лица нашего и всѣмъ представити

На полѣ Дейрѣ, да вси почитаютъ
Образъ нашъ и насъ бога нарицаютъ.
Слыши, казначей! Се велимъ мы тебѣ:
Дажь чиста злата, елико есть требѣ,
Абѣ вели образъ нашъ творити,
На превысоцѣ столпѣ поставити.

Казначей.

Что богъ вѣщаетъ, страшно есть то слово,
По твоей воли все будетъ готово.

Отгидетъ казначей дѣлати образъ, а Навходоносоръ глаголетъ

Егда нашъ образъ златый созерцаемъ,
Тогда всѣхъ вѣрность, яже къ намъ, познаемъ.
Любай насъ вѣрно будетъ предпочтенны,
Не любай паки будетъ осужденны.
Слыши, Зарданѣ! Вели готовати
Пещъ, смолу, наѹ и огнь розжизати
Близу образа, да всякъ вовержется,
Имъже нашъ образъ честный не почтется.

Зарданъ.

Веселымъ сердцемъ твое велѣніе
Приведу вскорѣ во исполненіе.
И отходитъ Зарданъ, и начнетъ глаголати бояринъ.

Навусаръ.

Свѣтлый нашъ царю и пресильный боже!
Никто ти въ бранѣхъ силенъ быти може:
Нынѣ ли убо можетъ кто дерзати,
Еже противу воли твоей стати?
И слово твое огню подобится,
Того и пеши кто не убоится?
Добрѣ велиши огнемъ сожигати
Образу чести не хотящихъ дати.

Мы тако хоцемъ, кто дерзнетъ судити,
Въ единъ часъ велимъ живота лишити.
Вы днесъ печалей намъ не поминайте,
О мусикій сладцѣй промышляйте.

Придутъ мусикии, и речетъ къ нимъ НАВУСАРЪ.
Елика вѣсть утѣшная быти,
Та потщитесь предъ царемъ творити.
(Здѣ будутъ миковствованія).

Приходитъ казначей и глаголетъ:
Царю пресвѣтлый! живи ты во вѣки,
Вся превозшедный міра человекѣ!
Се уже слово твое совершися,
Образъ твой честный лѣпо поставися.
(И отложше заѣсу, покажется образъ стояй).

Навходоносоръ глаголетъ:
Вѣрныи мои раба! блажимъ труды ваша,
Отселѣ будетъ милость на васъ наша.

Приходитъ ЗАРДАНЪ и глаголетъ:
Царю надъ цари! царствуй многи лѣта
Надъ всѣми страны до кончины свѣта!
Се твоя воля мною исполненна,
Велимъ зѣло печь огнемъ разженна.
(И покажется печь).

Навходоносоръ.
Добрѣ трудился, но не угашайте,
Изгребій, смолы, набы ¹⁾ прилагайте,
Да, то видяще, вси ся поклоняють
Образу злату, насъ съ нимъ почитають.

Зарданъ.
Радъ то творити, еже ты велиши,
Самъ свѣтлымъ окомъ работу узриши!

---

¹⁾ Изгребій—бострика, хлопья отъ пеньки.—Наба—нефть.

Навходоносоръ (*ко Амиръ, боярину*).

Амире вѣрный! въ томъ прилѣженъ буди,
Да всякихъ сановъ днесъ предстануть люди
Почтити образъ; а вели играти
Въ трубы, органы и свирѣльствовати,
Во еже бы гласомъ небесъ доходити,
И въ то бы время всѣмъ поклонъ творити;
Аще же чести кто не схочетъ дати,
Въ пещъ таковаго вели повергати,
Яже въ седmero буди распаленна,
Изгребей, смолы, наоы исполненна.

Амиръ (*къ царю*).

Нѣпобѣдиме царю! здравъ ты буди!
На полѣ Дейрѣ вси предстоятъ люди,
И вся готова: изволь соглядати,
Како вси будутъ образъ почитати.

Навходоносоръ.

Убо есть время, повели трубити,
И златный образъ нашъ поклономъ чтити.

Навходоносоръ.

Добро все, еже богъ повелѣваетъ,
Аще и весь міръ въ конецъ погибаетъ.

Тогда помааетъ Амиръ, глаголя:

Слышите, гудци! Гласно вы свиряйте.
Вы же, людіе, образу честь дайте!

Гудецъ речетъ:

Повелѣнія токмо ожидахомъ,
Ко писканію вся уготовахомъ.

*И начнутъ трубити и пискати, народи же поклонятся, а тріе
отроцы не поклонятся, что видя, Амиръ велитъ ихъ поимати
глаголя сиче:*

Поймите, поймите людей беззаконныхъ,
Образу царскому ни мало поклонныхъ!

Тогда ихъ поймутъ и приведутъ предъ царя. И речетъ Амиръ:

Пречестный царю! се людѣ зліи,
Не преклониша образу ти выи.
Повелѣніе твое укоряютъ,
На честный образъ хулы испущаютъ.

Навходоносоръ съ инѣомъ глаголетъ къ отрокомъ:

Седрахъ и Мисахъ, Авденаго и ты!
Бyste вы у насъ зѣло нарочиты,
Что слышимъ о васъ? Вы ли обругасте
Насъ, и образу поклона не дасте?
Самъ хочу зрѣти, вы правду явите,
Со гласомъ трубнымъ главы поклоните;
Аще поклона не хотите дати,
Лютѣ имате въ пещи пострадати.
Кто богъ есть, могущъ васъ мукъ свободити,
Отъ рукъ пресильныхъ нашихъ исхитити?

Седрахъ глаголетъ:

Нѣсть требѣ, царю, намъ ти отвѣщати.
Богъ всемогущій силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею
И свободити отъ руку твоею.

Мисахъ.

Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ насъ во прельщеніе;
Аще же огню Богъ хочетъ ны дати,
Мы за честь Его готови страдати.

Авденаго.

Живаго Бога небеснаго знаемъ,
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаеъ твари почитати:
Творецъ есть Богъ нашъ, Того хотимъ знати.

Навходоносоръ, *разъярился, крикнетъ:*

Оле злыхъ враговъ! Како суть прельщени!

Скоро будутъ во огнь вовержени.

Крѣпшіи вой! скоро похитите,

Посредѣ печи враги вовержите.

Тогда вой похитятъ и, вляжуше я, глаголютъ:

1.

Благо вамъ бѣше царя послушати,

Въ сицеву бѣду себѣ не врѣвати.

2.

Золъ родъ еврейскій; крѣпко ихъ вяжите,

Непокорливыхъ ни мало щадите.

3.

Кто врага царска хочетъ пощадити,

Самъ есть достойнъ смертно казнимъ быти.

4.

Азъ и двѣ кожи готовъ есмь издрати

Съ одного хребта, а самъ не страдати.

5.

Мнѣ Евреина толь сладко убити,

Яко же меда сладка чашу пити.

6.

Вержите во печь, мало глаголите;

Еже велятъ вамъ, то скоро творите.

И вернутъ въ печь, абіе же да снидетъ къ нимъ Ангелъ, и тако да глаголетъ къ отрокомъ.

Ангелъ:

Вѣрніи слуги истиннаго Бога!

Да не смущаетъ васъ печаль премнога!

Не оставитъ васъ Господь всемогущій,

Не повредитъ вы пламень, все ядущій.

Яко рососою тѣмъ ся охлаждайте,

Богу вашему честь и славу дайте!

Тогда Азарія, или Мисахъ начнетъ глаголати умиленно:

„Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хваально и прославлено имя Твое во вѣки, яко праведенъ еси о всяческихъ, яже сотворилъ еси намъ“ и проч., якоже есть у Даниїла въ главѣ 3.

Здѣ огонь изъ печи Халдей опалитъ и одинъ отъ нихъ возопіетъ:

Увы намъ! лютъ огонь насъ пожигаетъ,
Иже изъ печи чюднѣ избѣгаетъ.

И падутъ они; ЦАРЬ, увидѣвъ, возопіетъ сице:

Кое то чудо? Пламень утекаетъ
Изъ печи и рабъ моихъ опалаетъ.
Возьмите трупы, земли предадите,
Сами ся огня лютаго блюдите.

Также вси тріе отроцы умиленными гласы да поютъ:

„Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хваленъ и превозносимъ во вѣки“ и проч., яко таможде у Даниїла.

Амиръ глаголетъ:

Оле чудесе! Врази не сгоряютъ,
Нѣкія пѣсни сладцѣ поспѣвають.

ЦАРЬ глаголетъ:

Видѣніе паче слуха увѣряетъ,
Хощу, да око мое соглядаетъ.

И, возставъ, воззритъ въ печь и, яко узрѣти ему четырехъ въ ней сущихъ, речетъ къ бояромъ:

Что есть, вельможи? Не три ли ввержени
Отроцы во огонь, да будутъ сожжени?

Амиръ глаголетъ:

Ей, тріе, царю, казнъ сію пріапа,
Яко образу поклона не даша,

ЦАРЬ.

Что убо вижду, въ пламени огненни
Четыре мужи ходятъ разрѣшenni?

Вси суть безъ вреда, четвертый блистаетъ,
Яко Сынъ Божій. О! чудо бываетъ.
Увы мнѣ, увы! Азъ грѣшный прельстихся,
На рабы Бога живаго ярихся.
Они суть святы, азъ же грѣшенъ зѣло;
Невинныхъ и огонь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити?
О прощеніе хочу ихъ молити.

И приступль ЦАРЬ къ пеши, маголетъ:
Седрахъ и Мисахъ, Авденаго честный!
О раби Бога, иже есть не лестный!
Тошно изъ пеши сея изыдите,
Къ намъ согрѣшившимъ въ пользу приидите.
Прощеніе ми извольте дарити,
Богу вашему азъ хочу служить.

Ту изыдутъ отроцы неврежденни, ихъ же зряще, вельможи воскликнуть:

1.

Оле чудесе! како не сгорѣша
Отроцы сіи и огонь одолѣша?

2.

И то есть дивно, что власы суть цѣлы,
Аще великимъ пламенемъ горѣлы.

3.

Зрите одежды, како не растлѣнны,
Бывше великимъ пламенемъ паленны.

4.

Ей, чудо есть се, но кто оно дѣетъ,
Умъ неискусный мой недоумѣетъ.

ЦАРЬ.

Вижду, боларе, кая чудо сила
Въ очесѣхъ нашихъ нынѣ сотворила.
Благословенъ Богъ, сотворивый тако,

Егоже Седрахъ, Мисахъ, Авденаго
Намъ просвѣщаютъ! Онъ царь и владыка,
Его есть крѣпость всѣхъ паче велика.
Его ангеломъ сія избавлени,
Изъ люты печи здрави сохранени,
Иже на муки плоти си предаша,
Чуждему богу почести не даша,
Царское наше слово преслушаша,
Яко на Бога жива уповаша.
О блаженніи раби Бога права,
Емуже поклонъ даетъ моя глава!
Предъ лицемъ вашимъ того отднесь знаю,
Его истинна Бога всѣмъ вѣщаю.
Аще же дерзнетъ его кто хулити,
Убіенъ буди, а домъ расхитити
Повелѣваемъ; нѣсть бо тако силенъ
Богъ, яко Богъ вашъ, иже зѣло дивенъ.
Вы же, честніи слуги жива Бога,
Примѣте отъ насъ владѣтельства многа,
Паче всѣхъ князей будите почтени,
За други наша отселѣ вмѣнени.

Седрахъ.

Богу честь, слава, сіе чюдо явльшу,
Насъ сохранившу, а тебе взыскавшу!
Тебѣ за почестъ главы преклоняемъ,
Должную вѣрность тебѣ общаемъ.

Мисахъ.

Не сія токмо Богъ нашъ совершаетъ,
Но ина много дѣла содѣваетъ,
Яже временно твоей благодати,
Да вѣруеши, имамы сказати.

Авденаго.

Точію вѣруй, царю превеликій!
Вѣрный рабъ буди небесна Владыки.

Смиренъ явися: Онъ будетъ съ тобою,
И укрѣпитъ ты своею рукою.

ЦАРЬ.

Благодарю вы, любиміи друзи,
Бога живаго истинніи слуги,
Яко обиду хотите забыть,
А намъ божію славу изъяснити.
Любезнѣ слухъ мой на ту преклоняю.
И сокровище сердца предлагаю.
Но днесъ въ полату вы съ нами грядите,
Вашимъ приходомъ домъ возвеселите.
(И отъидутъ за запысы).
По сихъ эпilogъ.

ЭПИЛОГЪ.

Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый!
Благодаримъ ты о сей благодати,
Яко изволи дѣйства послушати.
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣйство наше,
Имъже ти негли не угодни быхомъ,
Яко искуства должна не явихомъ.
Разума скудость выну погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ,
Тѣмъ же смиренно къ ногамъ припадаемъ:
Еже простити намъ, сіе желаемъ.
Мы же имамы Господа молити,
Да во всемъ тебе изволить простити,
Къ тому да подастъ мирно царствовать,
А противники вскорѣ побѣждати,
И приложить ти многа лѣта жити,
Потомъ небесный вѣнецъ наслѣдити.
Многа лѣта!
(Ираніе).

IV. ТРАГЕДОКОМЕДІЯ.

ВЛАДИМІРЪ,

славенороссійскихъ странъ князь и повелитель отъ невѣрія тми въ свѣтъ евангелскій приведенній духомъ святимъ отъ рождества христова 988, инѣ же отъ православной академіи могилеанской и кіевской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добръ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствиємъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта господня 1705 іюля 3 дня показанній.

Оеѡфана Прокоповича.

1681—1736.

ПРОЛОГЪ КЪ СЛЫШАТЕЛЕМЪ.

Служаще обичному уставу, въ академіи нашой отъ лѣтъ многихъ хранимому, се и мы, аще и послѣднѣйшіи, недо-
зрѣли плоды трудовъ нашихъ на позоръ вамъ производимъ,
великоименіте и благородніи слышателие! А яко не ино что,
токмо повѣстъ о обращеніи къ Христу равноапостолного на-
шого Владимера, обичнымъ дѣйствиємъ представить умисли-
хомъ,—вина баше, яко то и мѣсту сему прилично, и свой-
ственно слышателемъ мнится быти: приличенъ дому есть
образъ господина; свойственная память сыномъ отшедшаго
далече отца своего (се же и домъ Владиміровъ, се и Влади-
мірова чада, крещеніємъ святимъ отъ него рожденная), чѣ-
паче всѣхъ изящнѣе на тебя является, ясневелможній пане,

*

ктиторе и добродію нашъ, ему-же и строеніе сего отчества Владимерова по царю отъ Бога врученно есть, и Владимеровими идая равними ему побѣдами, равном о Россіи икономію, лице его яко отческое сынъ на тебѣ покажетъ. Убо сего изображеніе пріими отъ насъ, яко того жъ великій наслѣдникъ, вмѣсто привѣтствія: зри себе самаго въ Владимерѣ, зри въ позорѣ семъ, аки въ зеркалѣ, твою храбрость, твою славу, твоей любви союзъ съ монаршимъ сердцемъ, твое истинное благолюбіе, твою искреннюю къ православной апостолской единой церкви католическія вѣры нашей ревность и усердіе.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ярополкъ.

Зъ безднъ подземнихъ, зъ огненной вихожду геенни

Ярополкъ, братнимъ мечемъ лютѣ убіенній,

Братъ князя Владимера. Нѣ! Глаголь сей ложній:

Яко не Владимеръ мой братъ есть, но безбожній

Братоубійца. Кая лестъ! Многажди красно

Имя будетъ, но своей вещи несогласно:

Владимеръ владѣніе міра знаменуетъ,

А братъ мой съ родственною кровію воюетъ.

Братъ мой,—о горе! и се глаголь неистовій:

Братъ мой, супостатъ мой, жрецъ моя естъ крови!

Сія ли знаменія братной любви? Сіе

Усердіе ко брату? О вѣкъ мой! О дніе

Лукави! да помрачить васъ мракъ нечаянный!

Но гдѣ есмь? О лютѣ мнѣ! Гдѣ есмь окаянный?

Что вижду? Кіевъ се естъ. Горе мнѣ! О горе!

Умершій единою, се уже повторе

Умрѣти чаю. Почто, плачевній удоле

Адскій, послалъ мя еси сѣмо! Сіе поле

Большую скорбь и позоръ лютѣйшій имѣть:

Увидитъ мя Владимиръ и паки убіетъ.

Аще же и не можетъ мечъ духа убить,

Обаче кая туга, кая скорбь—видѣти
Мѣста сія! Здѣ княжій престолъ, здѣ державу

Всероссійской области и толику славу
Братъ завистній содержитъ; азъ же пріяхъ рани,

Азъ смерть подяхъ горькую, тоеяжде страни
Отчичъ, дѣдичъ, наслѣдникъ. Кто отъ васъ, о бози,

Такъ владѣть міромъ? Единъ или мнози
Промисль вещей имате? Такова ли ваша

Правда? Братубійци честь за казнъ пріяша,
А егоже убыша, смерти неповинна,

Еще въ ровъ есть низвержень темній! О безчинна
Сонма вашего, бози! Но кая мя сила,

Чія вражда на сіе мѣсто понудила
Изійти зъ безднъ адовихъ? Скорбь тамо велика;

Но горѣ отъ огня гризетъ человѣка
Зависть неутолима. Здѣ убо утробу

Мою зависть свѣдаетъ; здѣ мене ко гробу
Болѣзнь влечетъ внутреная. Лучше бы умрѣти

Паки: тако не могу окаянній зрѣти
На цвѣтущую область враждебнаго брата.

Здѣ его сокровища, здѣ царска палата;
Здѣ врагъ мой, на престолѣ сидя превисокомъ,

Самъ честенъ сій прочіихъ величавимъ окомъ
Презираетъ. Самъ токмо драгій, свѣтлій, златій,

Прочіа, предъ нимъ просто не смѣюще стати,
Гиблють себе смиренно; инній же подъ нозѣ

Падъ, лежитъ и бездушенъ трепещетъ на мнозѣ.
Мнози отъ иноземнихъ приходятъ со дари,

Господемъ зовутъ; онъ же, окруженъ бояри,
Легкимъ степенемъ сѣмо и овамо ходитъ

И, всѣхъ удивляющи, бровъ горду возводитъ.
О лютѣ мнѣ! лютѣ мнѣ! Весма исчезаю,

Весь гину отъ зависти и не ощущаю

Вутробѣ во мнѣ ражженныхъ. Вещь есть невозможна
Не завидѣти тому иже братъ сій ложна
Имени искренному брату въ своей части
Завидитъ и завистой не насытитъ страсти,
Аще не въ братней кровѣ мечъ лютіи упоитъ.
Коихъ убо золъ ему желати достоятъ?
О граде тяжкій моимъ очесемъ! О злаго
Жилище разбойника! Добрѣ такового
Князя достоятъ еси, аще болѣзнь чужда
Не болитъ тебѣ, аще неправда и нужда
Имать мѣсто у тебе. И еще повсюду
Проносится вѣсть, не вѣмъ, изшедши откуду,
Аки бы христовъ законъ въ тебѣ имать быти,
И зъ богами Владимиръ дерзнетъ брань творити.
Христе! аще ти еси царъ и господь всея
Твары, гдѣ судъ истинній? гдѣ правды твоя
Неложное мѣрило? Убійца во славѣ
Отъ тебе вѣнчанъ будетъ, и тако державъ
Твоей угождается! Сродственніа крови
Губитель любимъ тебѣ. О судъ неистовій!
Но вы, боги лучшіи, привратѣте сѣмо
Уми прозорливіе; виждте, что творѣмо
Здѣ будетъ: Владимиру брата не довѣдетъ
Убити, брань вознести на боговъ имѣеть.
Что вамъ мнится? Тебѣ же найпаче, державній
Перуне? Видѣлъ еси, когда мя злославній
Убиваше мучитель, и стрѣлъ огневидныхъ
Отнюдъ не пустилъ еси и сихъ всѣхъ безбѣдныхъ
Разбойниковъ сотворивъ. Виждъ, что имать быти:
Братъ мой тебе жъ самого хочетъ сокрушати.

ЯВЛЕНІЕ II.

Жериволь (волхвъ), Ярополкъ.

Жериволь.

Кто здѣ тако на боги хулитъ?

Ярополкъ.

Стой, не бойся.

Жериволъ.

О лють мнѣ!

Ярополкъ.

Не бойся.

Жериволъ.

Перуне! устройся.

Помози, силній боже!

Ярополкъ.

Что тако безумень

Сталъ еси, Жериволе? Или дѣтоумень
Вѣкъ тебѣ возвратися? Ни ли мене вѣси,
Кто есмь азъ? Стой, не бойся. Кіи тако бѣси
Возмущаютъ и мещутъ?

Жериволъ.

Вѣмъ ты, о владико:

Князь Ярополкъ еси ти.

Ярополкъ.

Что уже толико

Видъ мой устрашаетъ ты?

Жериволъ.

Мертва ты слышахомъ,

Того ради видяи ты колеблюся страхомъ.

Ярополкъ.

Вѣмъ се, яко на мертвихъ и зрѣти живии
Отъ трепета не могутъ; но позори сіи
Тебѣ, мню, не страшни суть: ти тайными слови
Каменнии отъ гробовъ открываешь крови
И гніющія уже возбуждаешь тѣла;
Къ тому воздушныхъ, лѣсныхъ и геенскихъ сила
Духовъ повинуются тебѣ, а на чари
Твои солнце мѣняется, померкаютъ зари,

День во тму облачится. И недавно, въ темной
Сѣтующе гееннѣ, слышахъ отъ подземной
Страни гласъ приходящій,—пѣніе то бяже
Тавнѣ твоихъ: абие все сонмище наше
Вострепета, самъ токмо царь не ужасеся,
Но позна гласъ и, егда многое стечесе
Къ нему полчище духовъ: „поспѣшно летѣте“,—
Рече,—„Жериволь гласить; что велить, творѣте“.
И многихъ посла къ тебѣ.

Жериволь.

Всегда азъ довольнѣй
Любѣ его, за что есмь самъ въ себѣ неволнѣй,
Ни свободѣ, въ раба ему зъ тѣломъ и душею
Вѣчно себе написахъ кровію моею.
Недавно онъ мнѣ присла даръ неоцѣненный,
Златъ сосудъ, нѣкоея сили исполненный,
Отъ негоже мало что еще испиваю,
Абие со мертвыми и съ бѣси дерзаю
Сходиться. Тебе же нынѣ устрасихся,
Яко сили тося еще не напихся.
Прости, о владико мой! Не буди твоему
Противно величію, даждь крѣпость моему
Малодушію.

Ярополкъ.

Нѣсть въ семъ моей укоризни,
Не требѣ гнушаться царской даровизни.

Жериволь.

О вѣсти сей веселой! Кого вижду, княже?
Ярополкъ еси, добрѣ знаю. Коя же
Вини къ намъ пришелъ еси отъ мертвихъ?

Ярополкъ.

Васъ ради.

Жериволь.

Како?

Ярополкъ.

Въ бѣдахъ вашихъ вамъ желая отради.
Не пріиде ли вамъ въ слухъ, что вашъ умишляетъ
Князь на ви?

Жериволь.

Что новое? Онъ давно являетъ
Свирѣпство свое: уби тебе, брата родна.

Ярополкъ.

Жертва великихъ боговъ нѣсть къ тому свободна.

Жериволь.

Что слышу?

Ярополкъ.

Христіанскій законъ воспріяти
Умисли, отъ боговъ же всячески отстати
Хочетъ.

Жериволь.

Га! га! га! га! га! Истинное слово.

Азъ самъ безъ вѣсти сея (повѣмъ нѣчто ново,
А вамъ несвѣдомое), азъ (глаголю вѣрно),

Азъ первый подзрѣлъ его, яко лицемѣрно
Начать богомъ служити: слыши тайну странну.

Первіе онъ ко богомъ и жерцомъ пространну
Имѣ руку я, егда жертву приношаше,

Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: воли толсты и тучніе криви

Убиваемы бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имѣяхомъ

И не токмо ни мало тогда не стужахомъ;
Но,—вѣруй ми, о княже!—жрецъ Перуна, бога,

Добрѣ чрево исполнилъ отъ тука премнога
Со Перуномъ, (вѣси, что имамъ глаголати)

Со Перуномъ могохъ мя въ тѣлѣ соравняти.
Но уже тую щедрость измѣни. О студа!

Даде вчера едина козла, тако худа,

Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,—
Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его божій,
Или яко не бѣ въ немъ кромѣ одной кожи
И подъ кожею костей, тѣлесе ни мало?
Что убо мнится тебѣ? Кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрутъ бози.

Ярополкъ.

Еще прежде глада
Побіеть ихъ Владимиръ: дерзнувій пролити
Кровь братнюю, дерзнетъ онъ и боги побити.

Жериволъ.

О лютой сей дерзости! Но повѣждъ подробну,
Молю, коимъ образомъ тако неудобну
Смерть подъялъ еси; азъ бо ничтоже вѣмъ инно,
Токмо яко братъ брата умертви безчинно.

Ярополкъ.

Свѣдомъ вамъ есть нашъ давній сваръ. Но се не буди
Дивно: претикаемся часто, суще люди.
Зрѣте, яко неравни братнія бываютъ
Сердца. Уви! вышь мѣры себе возвышаютъ.
Владимиръ, мвій возрастомъ, долженства своего
Ни мало не помяну, ни проси моего
Онъ, престарѣлой сущей злоби, мира; мира
Азъ убо просихъ, но не баше его мѣра
Злобѣ. Не могій убо явнимъ и оружнимъ
Видомъ мя побѣдяти, побѣди безмужнимъ.
Лестъ пріять вмѣсто меча: мнится быти мирній
Во словѣ, въ сердцахъ же ношаше ядъ звѣрній.
Зъ моего жъ онъ хищній смиренія сѣти
Соплетъ на мя: взиваетъ дому посѣтити

И утвердити завѣтъ. Азъ простъ и ничтоже
Злаго въ толицей любвѣ чай, — не бо може
Вѣрная любовь быти, ни распра почіетъ,
Гдѣ любви знаменія вѣра не имѣетъ, —
Пойдохъ аки ко брату. О день! о часъ лютіи!
Камо идохъ безумень? Трикрати на пути
Конь преткнулся, трикрати вранъ прелетѣ черній,
Третій часъ дне трикрати нарекохъ вечерній;
Воспаяше мя и другъ, даѣи совѣтъ здравій.
Но не воспященни суть божіи устави!
Прійдохъ уже ко дверемъ, чай, яко тѣми
Вхожду въ домъ братній, — внидохъ во мракъ вѣчный ими!
Егда бо прагъ преступихъ, отсюду и сюду
На мечи мя подъяша, моихъ же оттуду
Всѣхъ воевъ воспятиша; еденъ со двоими
Всѹе брахся, весь лютѣ на мечахъ носимій.
Яко медвѣдь, емуже въ перси ловець силній
Вонзетъ роженъ, мечется всѹе и бездѣлній
Гнѣвъ яритъ и, елико борется крѣпчае,
Толико вонъ желѣзо входитъ глубочае:
Сице азъ бѣдній брахся, послѣдиже тамо
Падохъ и, валяся сѣмо и овамо
Въ крови моей, сугубимъ путемъ пустихъ душу.

Жериволъ.

Не могу азъ слышати, но отмстити мушу.
О бози! помозѣте. Аще мои пѣсни
Силни суть и могутъ что, да пройдутъ въ безвѣстни
Мѣста, въ дебрѣ, въ пещери, въ рѣки, въ бездни, въ гроби,
Въ глубокія великой Матери угроби:
Подвигну мертвыхъ, адскихъ, воздушныхъ и водныхъ
Соберу духовъ къ тому же звѣрей многогороднихъ,
И совокупно прійдутъ зміи страховидни,
Гади, смоки, полози, скорпіи, ехидни;
Совлеку солнце зъ неба, помрачу свѣтила,
День въ ноцъ претвору: будетъ явѣ моя сила.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Куроядъ, жрецъ (*поетъ*).

Слишите празднична рога:

День прійде Перуна, бога,—

День шумнѣй, бурнѣй, ужаснѣй,

Праздникъ громкѣй, велегласнѣй.

Слышите, рустіе люди!

Доми, орудія, труды,

Торги, купля оставѣте,

Спѣшно на праздникъ идѣте!

Воли, крави избирайте,

Толстія жертвы давайте!

Онъ есть богъ молніелучнѣй,

Любитъ мяса зѣло тучни.

Слишите празднична рога,

День прійде Перуна, бога.

ЯВЛЕНІЕ II.

Пѣяръ и Куроядъ, жрецы.

Пѣяръ.

Курояде! престани! престани! престани!

Куроядъ.

Что тако, о Пѣяре?

Пѣяръ.

Всѣ нынѣ страни

Оглашаешъ, понеже не будетъ днесъ жрома

Жертва; не движи людей.

Куроядъ.

Невѣжо! Есть грома

Праздникъ.

Пѣяръ.

Честнѣй Жериволъ есть не готовъ.

Куроядъ.

Како

Жериволъ есть не готовъ?

Пъяръ.

Не готовъ есть всяко.

Куроядъ.

Къ чему онъ есть не готовъ?

Пъяръ.

Не готовъ есть жерти.

Куроядъ.

Дадите ми, о бози, да азъ тако терте
Возмогу кури моя, яко онъ всецѣло
Третъ воли безмѣрнѣя! И на сіе дѣло
Что есть нужно, молю тя, повѣждъ.

Пъяръ.

Нѣсть удобна

Времени, яко вижду.

Куроядъ.

Вещь се неподобна.

Жерти ему нѣсть время? Прельщаешься, друже,
И вѣруеши тако, я вѣры неймуже:
Онъ бы хотѣлъ, дабы былъ праздникъ безпрестанній.
Азъ дивную вещь видѣхъ: когда напѣтаннѣй
Многими жертвами онъ лежаше въ охладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное; обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубами на мнозѣ безъ мѣри,
Движа уста и гортань! И достойно вѣри
Слово твое, Пѣяре: „время не имѣеть?“
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Пѣяръ.

Се не разумѣть

Любимій мой Куроядъ Пѣярева слова!

Рѣхъ: „не имать времени“, видя не готова
Его быти.

Куроядъ.

Мню, зубовъ не изостри, или
Не испраздни стомаха.

Пѣяръ.

Ругаешься; ни ли
Ти во грѣхъ вмѣняеши дерзокъ смѣхъ творити
Зъ мужа толь велебнаго? Что-жь имѣеть быти?
Вѣси попа сего.

Куроядъ.

Почто праздника не творить?

Пѣяръ.

Нынѣ и се довлѣеть.

Куроядъ.

То онъ насъ поморить.
Гладомъ.

Пѣяръ.

Нужда терпѣти.

Куроядъ.

Но молю тя, кая
Нужда се необична?

Пѣяръ.

Азъ, дрова собирая
На жертву, ходяхъ нынѣ сквозѣ лѣсъ пустинній,
И се бѣжаше скорій, простовласъ, безчинній
Жериволъ и, отъ земли вихромъ подносиимъ,
Не позна я на пути; но неудержимій

Бѣгъ твоя, пушаше вопль въ дебри необычній.

Отъ всѣхъ же странъ пустыни страшны и различни
Отповѣдаху гласи, и свисти, и кихти.

Куроядъ.

Скорбь нѣкую имѣеть.

Пяръ.

Того ради рѣхъ ти,

Яко нѣсть готовъ жерти.

Куроядъ.

Убо потерпѣмо,

Что се будетъ. Но се онъ, се онъ бѣжитъ сѣмо!

ЯВЛЕНІЕ III.

Жериволъ, куроядъ, пяръ.

Жериволъ.

Скорбь велія! Лютѣ мнѣ! Скорбь, братія, зѣлна!

Куроядъ.

Что ти есть, Жериволъ? Престани: бездѣлна
Толикая печаль есть. Аще и что злое

Случи ти ся, сотворше совѣтъ, можемъ тое
Исправити и въ добрій случай премѣнити.

Пяръ.

Скажи, да совѣтуемъ.

Жериволъ.

Ничтоже совѣти

Успѣютъ, аще сами не потщатся бози.

Не вѣсте ли, о друзи, яко зѣло мнози
Супостати на боговъ и на насъ возстаха,
Вовода христовъ законъ?

Пяръ.

Убо, честность ваша,

Призови силу боговъ: твоихъ они пѣвнѣи

Слухати навикоша, ниже повелѣній
Преступають.

Жериволь.

Нынѣ бѣхъ въ дебрахъ непроходныхъ
И созвавъ безчисленныхъ, лютихъ, страхородныхъ,
Сонмъ дуковъ неизчетній. Егда же познаша
Нужду мою, скоро вси равнимъ совѣщаша
Гласомъ, яко не требѣ вести всего полка.

„Мы (рекше) увѣдахомъ отъ словъ Ярополка,
Яко князь вашъ Владимиръ, иже скорбѣ толику
Наводитъ, страсть имѣетъ зѣлну и велику
Ко похотѣ тѣлесной и ко мірской власти;

Того ради цариковъ, иже тими страсти
Владѣють, звати треба. Триє суть: бѣсъ міра,
Бѣсъ плоти, бѣсъ противства божія. Тѣмъ вѣра,
Неблагопріятна намъ, колѣблется всюди.

Но тѣи где-сь странствуютъ? Убо наши труды
Будутъ въ томъ, да поищемъ и пришлемъ ихъ скоро“.

Се рекше, полетѣша послѣшно и споро.
Тыхъ на помощь азъ чаю.

Куроядъ.

Лютѣ! Что се странно?

Жериволь.

Что ты есть, Курояде?

Куроядъ.

Бози нечаянно

Вострепеташа.

Пѣяръ.

Нѣсть то; развѣ примракъ нѣкій
И мечтаніе ты бистъ.

Куроядъ.

О позоръ великій!

Смотри-жъ самъ.

Жериволь.

Знаменіе сіе есть ужасно.

Пзяръ.

Зови ихъ, Жериволе! Труби велегласно!

Жериволь (*боговъ на помощь зове*).

Аде! на помощь возстани,

Спѣшно твоя двигни брани!

Двигни сили, двигни власти!

Твоя честь имать упасти.

Вѣтре пернатій, воскорѣ

Преносай корабль по морѣ,

Помощной намъ, адской силѣ!

Подаждь воскорѣ крилѣ!

Летѣте, дуси, летѣте

Намъ на помощь, не медлѣте!

Изострѣте гнѣва жало:

Люто время намъ настало.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Въсь міра, Жериволь, въсь хули, въсь тѣла и куроядъ.

Міръ.

Что се тако нужное и кая потреба

Тако скорой помощи, Жериволе?

Жериволь.

Съ неба,

О господіе моя, послаша васъ бози!

Не вѣсте ли, въ Кіевѣ что творится? Мнози

Лжемудрци, лжепророци, хулники возсташа:

Пасти имать законъ вашъ, пасти вѣра наша.

Въсь міра.

Кто такихъ злихъ навѣтовъ вына?

Жериволь.

Князь велможній.

Бѣсъ міра.

Не бойтеся, дерзайте: ни ли онъ, безбожній,
Прійметъ моихъ совѣтовъ, азъ отмщу сторично.

Обаче не мню тако: князю ли прилично,
Да свою распятому и нищому вію

Христу преклонить? Лютѣ азъ недоумѣю
Обяти се мислю, ниже помисль умній

Можетъ сіе сказати. И аще безумній
Сотворить тако, аще отъ Грековъ прелстится,
Вѣсте ли, кому оній симъ уподобится?

Константину оному, иже риболова

Петра, всѣхъ худѣйшаго, и съ нимъ неистова
Шатерей дѣлателя Павла, во снѣ пяній

Узрѣвъ, такъ воспріять совѣтъ ихъ поганій,
Аки би былъ боярскій, и себѣ въ не славу

Толикую воверже, яко злату главу
Не усрамися старцу Сѣлвестру худому

Преклонити смиренно. Вси царского дому
Возсмѣяшася тогда, ми же наединѣ

На мнозѣ плакахомся и даже донинѣ
Плачемъ, толику его погибель помняще.

О Христе! аще прелстишь и сего, и аще
Поймеша Владимира, буди (яко лживій

Твердитъ о тебѣ народъ), буди Богъ правдивій!
Азъ же да не буду царь! Да не буду честній!

Да не буду всеялнвій! Калугеровъ лестнвій
Родъ, о мой Жериволе, языки да строятъ

И да много глаголетъ; мнѣ же недостойтъ
Словомъ прелщати, дѣломъ хочу показати,
Что могу.

Жериволъ.

Равно тебѣ благодарствовать
Не можемъ мы, о царю! Твоя будетъ слава,
Аще твоя сихъ лестцовъ побѣдитъ держава.

Бѣсъ хули.

Не меншъ о семъ потчуся и азъ, Міре златіи!

Зрѣте же, аще любитъ истинну распятій.

Яко самъ злодѣй бѣше (не бы средѣ двою

Злодѣю былъ распятіи), тако со собою

И полки злодѣйскія вести зѣло любитъ.

Кому се нѣсть извѣстно? Самъ онъ гласно трубитъ

Въ своемъ евангеліи. Не прійдохъ призвати

Праведниковъ,—глаголетъ,—но грѣшныхъ вискати.

Тоже дѣломъ являетъ: донелѣ державній

Владимѣрь добро имя носаше и славній

Мужествомъ бѣ, Христови мняшеся онъ быти

Непотребенъ; но егда сродную пролити

Дерзну кровь и княжескій санъ сотвори мерзскій,—

Сотвори себе Христу любима, да дерзскій

Будетъ оттоль разбойникъ: ибо боговъ сила

Ненавидитъ всячески толь сквернаго дѣла.

Но недолго грѣхъ ходитъ волній и безказный,

Во слѣдъ злодѣянія поидетъ непріязный

Гнѣвъ мой: вложу въ мысль ему христоненавистни

Помисли, на языкъ же наведу безвѣстни

Хулы. Мняшеся тебѣ, о Тектоновъ сыну,

Яко будетъ Владимиръ равенъ Константину:

Будетъ противу тебе Іюліанъ вторій!

Бѣсъ тѣла.

Простѣте, аще мало закоснихъ: азъ скорій

Всегда есмь на сщеву помощь, днесъ еяже

Ищещи, Жериволѣ!

Жериволъ.

Ни, о любве княже,

Не на мя пущай стрѣли: вѣмъ, яко твоего

Лука язви сладки суть, но тѣла моего

Вси уди, вси утробы твоихъ ранъ суть полни.

Язви князя нашего,

*

Тѣло.

Но онъ весь есть болній
Отъ стрѣлъ моихъ! триста стрѣлъ, ядомъ напоенныхъ,
Внуриль ему во сердце, триста женъ сочтенныхъ
Бѣсятся любовію.

Жериволь.

Но вся отринута
Хочетъ уже.

Тѣло.

Кто тако жестокій и лютіи
Любовь ему отемлетъ?

Жериволь.

Единъ, убо вѣси,
Единъ безчеловѣчній всесладкія бѣси
Христосъ отъ душъ изгонитъ и всѣмъ есть противній.

Тѣло.

Не скорби. Покажу вамъ образъ зѣло дивній
Христіанской чистоты. Я, ко вамъ позваній,
Не скоръ прійдохъ; не вѣсте, чимъ быхъ, удержанній.
Въ далекой странѣ, Христа держащей устави,
Двое суть княженія особни держави.
Двоимъ ихъ княземъ любовь ко единой дѣвѣ
Вліяхъ въ сердце: не долго убо въ тайномъ гнѣвѣ
Пребыша со собою, скоро ярость звѣрну
Открывше, брань лютую и силу безмѣрну
Двигнуша, и единой жени ради тако
Кровь людей безчисленныхъ проливаютьъ, яко
Троянская иногда брань долго ліяше,
Егда Грекомъ Елена похищенна бѣше.
Тако я побѣждаю христіани!

Жериволь.

Убо

Со Владимиромъ тебѣ братися сугубо
Удобнѣйша брань будетъ: понеже бо зѣло,

Яко повѣствуеши, одной жени тѣло
Двохъ мужей побѣждаетъ, колми паче триста
Связати единого могутъ и отъ мѣста
Двигнутися не дадутъ, аще приложиши
О томъ попеченіе.

Тѣло.

Всѣе ты трудиши,
Жериволѣ! Наша въ томъ печаль, наши труди.
Ти отселѣ, молимъ ты, безпечаленъ буди.

Жериволѣ.

Братія! радуймося: еще не у можетъ
Христосъ торжествовати, ни ему поможетъ
Многорѣчіе жерцовъ его.

Пѣярѣ.

Намъ прилично
Еще предъ побѣдою пѣти краснолично.

Куроядѣ.

Прилично воистинну!

Жериволѣ.

Устройтеся спѣшно,
Спѣшно до скаканія, азъ же вамъ утѣшно
Явлю здѣ знаменіе: понеже имами
Отъ боговъ сихъ трепета страхъ, убо со нами
Да скачутъ они нинѣ. Но первѣе мушу
Пришептати и дати коемуждо душу.
(Идоли со жрецами, поюше, скачутъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМЕРЪ, БОРИСЪ, ГЛѢВЪ.

Владимеръ.

Борисе, чадо мое!

Владимѣръ.

Видѣлъ еси отъ Грековъ посла? Что ти мниши
О его вѣщанія?

Борисъ.

Законъ свой пріяти

Совѣтуетъ, но тебѣ боліе слышати
О томъ, да вся извѣстна будутъ.

Глѣвъ.

Аще волно

Мнѣ что тебѣ сказати, о отче?

Владимѣръ.

Доволно

Глаголи, чадо Глѣбе!

Глѣвъ.

Азъ отнюдъ не знаю,

Въ чомъ стоитъ законъ христовъ; обаче не чаю,
Дабы не любве ради посла сицеваго

Послалъ царь византійскій: аще бо бы злаго
Былъ онъ ухищренія зъ лукавимъ навѣтомъ,

Не то бы своимъ тебѣ представлялъ совѣтомъ,
Что самимъ имъ свято есть, велико и честно.

Но егда самъ что любить, то даетъ, не лестно
Мнится дарованіе: къ сему кій здѣ. быти

Можетъ подзоръ лукавства? Егда бо смѣсити
Кровь ихъ съ нами хоцещи, чаю, видятъ ясно,

Яко миръ имъ даеши, ниже что ужасно
Или враждебно отъ насъ себѣ ожидаютъ.

Враги не симъ образомъ кровь свою смѣшаютъ.
Убо мню, да не спѣшно и не безъ отвѣта

Отслеши философа, но, его совѣта
Не возгнушався, вели ему, да подробну

Законъ христовъ изъяснить и вѣри удобну
Покажетъ вѣру свою.

Борисъ.

Что, отче, велиши?

Владимѣрь.

Аки бы едино

Сердце имами, Глѣбе: азъ ничтоже ино
Помишляю; прочее вѣруйте ми, чада:

Мнози къ намъ приходяху зъ Византии, града,
Царскіи посланници, обаче единако

Имѣхъ сердце, ниже что внутрь имѣхъ. Инако
Отъ сего сотворися: едва бо онъ слово

Прорече ми и Христа помяну, что-сь ново
Не вѣмъ и дивну въ сердца ощутихъ измѣну.

И, что всѣхъ есть дивнѣе, аки не едину
Рѣчь слышахъ, двоихъ нѣкихъ устенъ слово баше.

Философъ убо, стоя, своя глаголаше,
Въ мисли же моей нѣкто тайнимъ си языкомъ, —
Отселѣ, мню, не слышанъ бысть онъ человекомъ, —

Повѣсть философову крѣпкими извѣти
Утверждаше. Моя же утроба горѣти

Мняшеся, и страхъ нѣкій пронзе мя; оттолѣ

Не вѣмъ, како до моей прилѣпися волѣ

Имя христіанское, наши же ми мертви

Бози мняхуся быти, и мерзки ихъ жертви.

ЯВЛЕНІЕ II.

вѣстникъ, владимѣрь, жериволъ.

Вѣстникъ.

Жериволъ входа просить, княже!

Владимѣрь.

Невозбранно.

Повѣми ему о семъ слово нечаянно.

Жериволъ.

Именемъ боговъ нашихъ многихъ лѣтъ желаю,

Княже, державѣ твоей.

Владимеръ.

Что новаго чаю

Слишати, Жериволе?

Жериволъ.

Велможній владыко!

Желалъ быхъ вѣсть лучшую носити! Велико

И страшно знаменіе бози намъ дадоша:

Зѣло разболѣшася.

Владимеръ.

Но не у помроша?

Жериволъ.

Не буди то, господи!

Владимеръ.

Се убо не тако

Страшно, яко реклъ еси.

Жериволъ.

Умирати всяко

Бози не могутъ, ихъ бо вредити ничтоже,

Ни огнь, ни мечъ, ни вода, ниже земля може.

Владимеръ.

Не вѣмъ сего.

Жериволъ.

Есть единъ вредъ смертній: отъ глада

Умирають иногда, того ради стада

Тучніи имъ на жертву обикова слати

Боголюбци, отъ нихъ же перваго тя знати

Должни есми, о княже!

Владимеръ.

Но рци, въ чемъ болѣють

Бози твои.

Жериволъ.

Первѣе твои суть. Имѣють

Сокрушенни нѣкіе кійждо своя уди:

Молю тя убо, буди имъ милосердъ, буди
Милостивъ.

Владимеръ.

Что же творѣмъ? Послухай моего
Совѣта, Жериволе: инако коего
Болшаго всищѣмъ бога.

Жериволь.

Се быти не можетъ.

О княже! како единъ толикимъ поможетъ
Народомъ твоимъ?

Владимеръ.

Ни ли единъ азъ владѣю
Всѣмъ народомъ? Что се есть, азъ недоумѣю
Сказати.

Жериволь.

Нѣсть се дивно, нѣсть ни мало чудно.
Ты болшъ смысла имаши, имъ же тако трудно
Мудрствовать; ты егда изійдешъ отъ тѣла,—
Не лщу, ни ласкателно глаголю,—до зѣла
Превознесенъ будеши и надъ всѣхъ не мало
Боговъ болій: малъ тебѣ Позвиздъ, малъ Купало.
Малъ Мошко, малъ Коляда, малъ Волось; сравненій
Съ тобою и самъ Перунъ будетъ умаленній.

Владимеръ.

Азъ толикъ сій, обаче отъ меча боюся
Смерти. Боговъ же како (что се есть, дивлюся),
Боговъ како не можетъ тоежде вредити?

Жериволь.

Рѣхъ, яко кромѣ глада не могутъ умирѣти.

Владимеръ.

Вѣмъ убо, Жериволе, како ты сотворимъ
Безпечална, да гладомъ боговъ сихъ поморимъ.

Жериволъ.

Что слышу? Азъ погибохъ. О княже всезлатій,
Вседрагій, вселюбимій, всемогущій, богатій!
Престани сихъ помисловъ! Буди милосердній!
Виждь слези, виждь трепеть мой, виждь плачь мой
усердній!

О княже! о господи! о владико! кую
Злобу боговъ видиши, яко сицевую
Ярость на ныхъ возводишь?

Владимеръ.

Азъ отъ любви сіе,
Не отъ ярости творю, да бози благіе
Въ болѣзни не мучатся. Къ тому что ползуютъ
Болни? На что потребни суть?

Жериволъ.

Ясти требуютъ.

Владимеръ.

Жериволе! вижду тя великого быти
Боголюбца; но сіе нужно отложить
На ино время. Нинѣ послухай моя
Потребы. Дойде ли вѣсть честности твоя
О прибывшемъ къ намъ послѣ царскомъ?

Жериволъ.

Слишахъ, княже!

Владимеръ.

Мню убо, яко вѣси и вину, еяже
Приходъ его есть?

Жериволъ.

Не вѣмъ, но боюсь зѣло
Прихода его сѣмо: имать быти дѣло
Ратное, немирное.

Владимеръ.

Ни, еще завѣщанній

Миръ съ нами крѣпчае хоцетъ сей посланній
Утвердити; совѣтъ же даетъ, въ крѣпость мира
Да и отъ насъ христова воспрійметсѣ вѣра.

Жериволъ.

О княже! что се слишу? Се ль миръ? Се брань зѣлна,
Яковой отъ лѣтъ древныхъ Россія всесилна
Еще не имѣяше.

Владимеръ.

Не нанесетъ брани

Царь, аще и не пріймемъ вѣри ихъ. Престани
Всѣ скорбѣти. Твой же кій совѣтъ и како
На се имъ отвѣщаемъ?

Жериволъ.

Не хоцемъ васъ всяко

Послушати, ни ваши пріяти совѣти.

Мы болшъ боговъ имѣемъ.

Владимеръ.

Но на ихъ извѣти,

Имиже насъ приводятъ, что рещи имами?

Жериволъ.

Вѣмъ, что се есть: притися словомъ хоцутъ съ нами.
Аще тако, добрѣ есть: всѣ уповаша,
Яко нѣсть имъ въ Россіи, яко область ваша
Мудрцевъ не имѣетъ. Да уразумѣють
Невѣжу Жеривола.

Владимеръ.

Скоро здѣ имѣють

Быти, азъ бо ихъ просихъ. Ти же удалися

Мало: имъ же приведшимъ, паки возвратися.

Дерзокъ есть, но не чаю, не препрѣнь отъ слова
Мудрецъ нашъ еще будетъ.

Глѣвъ.

Обично такова
Дерзость величавая въ дѣлѣ не бываетъ
Многомощна и себе суетну являетъ.

Борисъ.

Поселъ, якоже слишахъ, велми есть славимій
Во Греціи философъ, и между своими
Едва ему, глаголють, обрѣтется равенъ.
Искусенъ въ ученіи, красомовствомъ славенъ;
Къ тому же и страннія изучи языки,
Умѣетъ и нашъ рускій. Мужъ же сій толикій
Не кичится, глаголють, но кротокъ есть въ нравѣ.

Владимеръ.

Вѣрно слово: бесѣда его творить явѣ,
Яко славное его имя не есть тощю,
Зѣ бесѣди бо, каковъ кто внутри есть, знати мощно.

Вѣстникъ.

Поселъ вохода просить: есть ли ти блажимо?

Владимеръ.

Слуги да устроятся и да прійдутъ сѣмо.

ЯВЛЕНІЕ III.

Философъ, Владимѣръ, Жериволь.

Философъ.

Первій мой приходъ, княже, велѣнный ми баше
Царемъ моимъ, нынѣ же величество ваше
Прійти велѣлъ ми еси. Азъ яко моего
Цара, и величества такожде твоего
Творити волю готовъ: оному повинно,
Тебѣ любовно долженъ, обоимъ всечинно.

Владимеръ.

Сіе ты усердіе и любовь толика
Велить ми потщатися, да царь и владика
Твой мене не побѣдитъ, ни да превозійдетъ
Въ любвѣ своей ко тебѣ. Но да болшій прійдетъ
Сей долгъ на мя любовній, молю тя, не буди
Тяжекъ,—аще хочеши, да не всуе труди
Пути твоего пойдутъ,—скажи намъ подробну
Глави вашихъ уставовъ, сотвори удобну
Увѣренію быти вѣру намъ христову,
Да увѣми, какову взяти и какову
Отвергти подобаеть.

Философъ.

Во всякой потребѣ
Позволенъ ти есмь, въ сей же наипаче есть требѣ
Да служу нелѣпно, на дѣло бо сіе
Не токмо мя царь посла, но се прилежнѣе
Самъ Богъ завѣщаваеть.

Жериволь.

Что ми велить ваше
Величество? Се прійдохъ.

Владимеръ.

Давно мнѣ мисль баше
Призвати честность твою; угодна обаче
Не бѣ времени, нынѣ же тебѣ наипаче
Достоить се вѣдати, кіа ми совѣти
Преподаеть царь римскій: законъ измѣнити
Совѣтуеть, ти же намъ закона начало.

Жериволь.

Непотребна измѣна, идѣже ни мало
Зла не обрѣтается; въ нашемъ же уставѣ
Кій порокъ есть, развѣ то вѣдомо державѣ
Твоей будетъ. Болшіа жертви приносити

Богомъ должно есть, зри бо, что намъ сотворити
За нелюбовъ прещаютъ. Въ сію ночь до ложа

Приступи ко мнѣ нѣкто худъ, сухъ, кость и кожа
Единая; азъ не познахъ, Купало же бѣше.

И скорбенъ, возрѣвъ на мя, рече: „Чесо ваше
Беззаконіе растеть, малить же ся зѣло

Боголюбство? Видиши, Жериволе, тѣло
Мое кое есть? Гдѣ суть многотучни жертви!

Мните ли, яко бози силніи суть мертви
И не требуютъ ясти? И тебе самага

Козлоядомъ назвати требѣ. Таковаго
Зла не стерпимъ прочее: не даете ясти,

Мы убо васъ жаждою сотворимъ пропасти;
Изушимъ Дѣйпръ или бѣгъ его воспать пустимъ;

Но и саміи во малѣ родѣ скупіи опустимъ“.
Се рекъ, мняшеса на Дѣйпръ скоро отходити;

Азъ же остахъ трепетенъ. Что убо творити
Имами и коея намъ требѣ измѣни,

Отсюду познай, княже!

Философъ.

Сонніа то сѣни

Бяху и позорище трезвимъ не ужасно.

Слыши, что не отъ ношна примрака, но ясно
Предъ всѣми ты глаголю: не токмо водѣ рѣчныхъ

Не изсушаютъ вамъ бози, но, аще отъ вѣчныхъ
Обытелей Богъ призритъ милостивно на ви,

Въ водѣ той боговъ вашихъ сокрушатся главы.

Жериволь.

Да на твою то прежде обратится, мерзкій
Хулниче, клеветниче!

Владимерь.

Что тако ти дерзкій,
Жериволе? Поселъ есть и откуду, вѣсп,

И ко кому есть посланній: или въ словѣхъ пѣси
Искусень? Словомъ чиннимъ, не сваромъ преприся.

Жериволъ.

Аще тако велиши, княже, добръ случися
Часть мнѣ сей. Но что имамъ глаголати съ вами?
Единъ вамъ токмо есть богъ?

Философъ.

Едного имами.

Жериволъ.

Слишахъ тако. Се же что? И како онъ нужди
Всѣхъ человѣкъ понесеть? Како ему чужди
Скорби во сердце внидутъ? Къ тому аще бози
Вамъ кромѣ единнаго не суть, почто мнози
Жерци во васъ? Единъ ли всѣмъ тимъ доволствуетъ
Волъ на жертву? Что се есть? Самъ же что готуетъ
Ясти себѣ богъ? Рци ми. Велѣлъ еси, княже,
Словомъ препиратися; азъ никоеяже
Не вижду въ немъ мудрости: молчить, не вѣщаетъ.

Философъ.

Таковъ слову твоему отвѣтъ подобаетъ.

Жериволъ.

Таковъ и азъ вѣмъ, ибо аще достигати
Висоти моихъ словесъ не можешь, молчати
Нужда ты есть. Но рци ми: коей наибольшъ сласти
Въ яденіи богъ ищетъ? Что найпаче ясти
Любить онъ, рци, молю тя.

Философъ.

Аще бы не тако
Земень былъ еси, зналъ бы о семъ, яко
Духъ сокрушенній—Богу жертва есть любима.

Жериволъ.

Ха! ха! ха! ха! Слышите, слышите славима
Бога христіанскаго! Убо ниже піеть;
Жаждній, гладній и бѣдній—духъ ему довлѣть,
Парею сить.

Философъ.

О смѣхъ вашъ достоинъ слезъ многихъ!

Жериволъ.

Ми же боговъ имами не тако убогихъ:
Упиваются виномъ; гусей, курей стравы
Тучать ихъ, а найпаче тучнѣйшіе кравы
И воли пожирають. Еще ты немногу
Вещъ реку: кое лицо свойствуется богу,
Красное ли, бѣлое ль? Кій шаръ имъ пріемній?

Философъ.

Вѣмъ, кій видъ боговъ вашихъ—черни суть и темни.

Жериволъ.

Вашъ же каковъ?

Философъ.

Не вѣми, есть бо невидимій.

Жериволъ.

Слышите, что намъ сказа? Се ли онъ хвалимій
Философъ? Чуждихъ боговъ вѣсть, не вѣсть своего!
Не вѣсть, въ кого вѣруеть! Княже! виждъ, коего
Учителя имаши.

Владимѣръ.

Престани. Стиждуся
Красомовства твоего.

Жериволъ.

Владико! чуждуся
Твоему величеству. Вѣруй ми: нигдеже
Тишайшія бесѣды не суть; и понеже

Кроткимъ словомъ истинни хранити нѣсть волно,
Дѣломъ смиру хульника и смиру довольно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Философъ, владимѣръ, ворисъ, глѣвъ.

Философъ.

Не буди величеству твоему въ досаду:
Се ли мудрци ваши? Азъ овчому стаду
Не далъ быхъ сицеваго вожда.

Владимѣръ.

Сіе восписати

Не требѣсть закону, ниже порицати
Нашу державу: родъ нашъ жестокъ и безсловный,
И писменъ ненавидѣй есть сему виновный.
Но не во всемъ Жериволь глагола безумнѣ
Како богъ есть невидимъ, не вѣмъ азъ.

Философъ.

Разумнѣ

Отсюду начель еси: аще бо видимѣй
Былъ бы богъ человѣкомъ, не былъ бы множимѣй
Соборъ многобожія, но ниже бы вѣри
Возмогло тогда быти мѣсто во всемъ мірѣ.
Вѣра есть вѣровати во вещь таинственну,
Ниже есть неприлично быти сокровенну
Отъ очесъ смертныхъ Богу. Солнце, ходя горѣ,
Обаче дерзкихъ очесъ не терпитъ: воскорѣ
Отвращаетъ зѣницу. И ви, земни суще
И тоежде съ инними естество имуще,
Чести ради не всѣмъ вась хочете являти,
Многимъ на престолѣ царскій невольно взирати.
Къ тому Богъ духъ есть, ниже вещество имѣть,
И тако до зрѣнія его не довлѣть
Око плотское. Се же явѣсть отсюду,

рус. кал. выкл.,—вып. ххуі.

Яко и души нашой не можемъ отнюду
Видѣти, какова есть.

Владимеръ.

Како убо вѣми,
Яко Богъ есть, понеже намъ есть невидимій?

Философъ.

Сей разумъ отъ естества имѣетъ начало:
Древни убо Еллина, не суще ни мало
Отъ Бога изученни, сіе имѣяху
Познаніе: егда бо весь міръ разсуждаху,
Видяще въ немъ толь многу тварь и толь различно
Зданіе и всѣмъ вещемъ данное прилично
Свойство и согласіе, яко и въ толикомъ
Множествѣ не ратуютъ на ся, но въ великомъ
Мирѣ стоятъ и въ единъ конецъ намѣраютъ,
Ниже когда данній имъ чинъ свой измѣняютъ:
Свой путь имутъ свѣтила, свой брегъ знаютъ воды,
Свое время вѣдаетъ земля, изъ ней плоди
Исходятъ кійждо отъ нихъ во время подобно:—
То зряще, философи рѣша: „Неудобно
Быти симъ безъ начала и потребной власти;
Нѣкто создалъ есть сія и держай упасти
Не даетъ и премудримъ смотрѣніемъ строить:
Убо того и Богомъ нареши достоинъ“.
Такъ вси мудрствоваху.

Владимеръ.

Добрѣ се; но кая
Нужда есть, да, многія твари разсуждая,
Познаемъ токмо быти единого Бога?
Многихъ бо создателей тварь требуетъ многа.

Философъ.

Ни, княже! Не можетъ бо что началомъ быти,
Аще не есть едино: началу имѣти

Первенство подобаетъ. Убо аще мнози

Суть во васъ, вси ли тѣ суть первіе бози?

Аще нѣ, единъ убо; аще же вси, како

Въ многомъ числѣ нѣсть второй и третій? И тако
Всѣмъ выну подобаетъ имѣти едину.

Владимеръ.

Но откуда вѣстно есть, яко еще инну

Жизнь глаголете быти и вѣкъ инній новій,

Сему преставшу?

Философъ.

Сіе извѣщено слови

Пророковъ намъ есть, ниже вѣру имъ возможно

Отати, ибо отъ нихъ многажды неложно

Событіе познахомъ. Но и сіе вѣстно

Бысть древнимъ любомудрецъ: Платонъ бо извѣстно
Творить въ одной бесѣдѣ, яко душа наша

Есть безсмертна, и его разумъ вси пріяша;

Единъ токмо Эпикуръ не хочетъ пріяти.

Еще же и отсюду тожде само знати

Мощно есть: Богъ, всякая вещи сій начало,

Имать вся совершенства, отъ нихъже не мало

Видимъ въ различной твари: аще убо цвѣти

Красніа зримъ, должно есть тожде разумѣти

И о Бозѣ, яко есть всей красоты полній.

Видимъ свѣтила: убо есть свѣта доволеній

Источникъ Богъ. Чудимся величеству міра:

Великъ убо и Богъ есть, и нѣсть ему мѣра.

Равнѣ въ твари словесной. Знаемъ всемогуща,

Видяще крѣпость мужей; знаемъ все имуща,

Зряще на власть царскую; мудра быти знаемъ

Отъ мудрости созданной. Сіеже устрояемъ

Правди его извѣтъ есть; сіеже едино

Довольно показываетъ, яко имать инно

Житіе быти, кромѣ временнаго, еже

*

Во различныхъ случаяхъ переходитъ; понеже
Неравны дѣла нинѣ творятъ человѣци:

Инѣ добронравенъ, инѣ есть лукавъ; въ семъ же вѣцѣ
Не вси по дѣломъ своимъ мзду и казнъ пріемлютъ:

Многажди добри страждутъ, лукави же возьмлютъ
Чести превисокія, убо не вѣнчаютъ

На земли Богъ праведныхъ, ни злихъ осуждаетъ.
Како убо самъ правъ есть, аще здѣ кончати

Всю нашу жизнь имами, не иной чаяти?
Обаче не тако есть: Богъ, правды хранитель,
Инѣ вѣкъ намъ уготова, въ немъже и отмститель
Злимъ будетъ, и праведнымъ мзду воздастъ сторицну,
Симъ радость безконечну, онимъ же казнъ вѣчну.

Владимѣръ.

Прежде твоей бесѣди симъ образомъ тое
Поразумѣвахъ всегда: егда бо что злое
Аще и втай сотворихъ, совѣсть мя мучаше;
Размишляхъ, что боюся: все житіе наше
Здѣ кончается, мнѣ же кто здѣ можетъ быти
Судія? Но такъ внутренней скорби утолити
Не могохъ. Скажи еще: како о семъ мірѣ,
Како о человѣцѣ, како о всей вѣрѣ
Христовой мудрствуете?

Философъ.

Прежде всего вѣка
Богъ, сій доволенъ въ себѣ, созда человѣка
Во времени, отъ своей благодати единой,
Не да здѣ живеть присно, но да къ лучшей иной
Жизни онъ свой путь творить. Міръ же сей всеродній
Дастъ ему въ напутіе, дабы путь угодній
Имѣлъ, и того ради лице понуренно
Инымъ даде животнымъ, намъ же подвышенно,
Да, идѣже отчество, тамо умъ возводимъ.

Сего и отъ еллинской мудрости доходимъ.
Но человѣкъ, своея не разумѣвъ чести,
    Ни познавъ благодати, сведенъ же отъ лести,
Скотомъ, отъ нихъ же лицемъ разнствуетъ, тимъ страстно
    Сердцемъ уподобися, и мню, яко ясно
Вѣси, аже о падшемъ Адамѣ обычно
    Повѣстуется: тебѣ бо со всякимъ различно
Общество есть народомъ, и со христіяни
    Бесѣдуеши часто. И оттуду на ни,
Аки отъ источника, вся нужди и скорби
    Истекоша, болѣзни, распри, брани, борби,
Глади и губительства; сама смерть тогожде
    Корене и, что смерти лютейшее, тожде
На разумъ нашъ наведе облакъ нѣкій темній,
    Имъ же бывъ человѣкъ ослѣпленный, весь земній
Сотворися, горѣ же мало кто возводитъ
    Сердце, и се идоловъ честь скверную родить.
Самъ себе весь міръ тако обезумилъ баше,
    Яко кромѣ Іудей весь міръ почиташе
Мертво дѣло рукъ своихъ. Но смотри, великій
    Богъ нашъ есть во милости; не терпѣть во вѣки
Міру тако погибнуть, хочетъ воздвигнути
    Лежащихъ отъ падежи, не вѣдущихъ пути
Исправити, плѣненныхъ во адъ—свободити
    Еще же да и правдѣ удовлетворити
Божіей за преступство человѣкъ возможетъ.
    Но, понеже ни ангелъ, ни человѣкъ можетъ
Извести сія въ дѣло, созданну бо силу
    Превосходятъ, самъ къ тому (дивная вещь) дѣлу
Снѣде съ небесъ. Коль мудръ! самъ плоть человѣчу
    Воспріять на ся, прошедь утробу дѣвичу,
И бысть Богъ и человѣкъ, единымъ связуемъ
    Лицемъ въ двою естеству. Того именуемъ
Христа: той бо пострада и утоли за ни
    Гнѣвъ божій, той смертію своею отъ страни

Возведе насъ адскія, той научи, како

О Бозѣ да мудрствуемъ, и сказа намъ, яко
Единъ Богъ есть истинный, но лице троичвенно —

Отецъ, Сынъ и Духъ святій: Отцу есть свойственно
Раждати отъ нѣдръ Сина, Духа изводити,

Онѣмъ же отъ едина Отца исходити.

Сынъ убо плоть изволи нашу воспріяти

Отъ Дѣви; въ той пострада, на крестѣ распятій,
Умре и погребенъ бысть, воскресе и явно

Многимъ сіе сотвори, потомъ же, преславно
Возшедъ на небо, сѣде одесную Бога.

Суть же и инна, яже даде намъ премнога;
Но не всѣмъ годствуеъ вся повѣдати: когда

Облечешься во Христа крещеніемъ, тогда
И инная увѣси; нынѣ еще сіе

Увѣдай и во память паче всѣхъ силнѣе
Водрузи: мы вѣруемъ извѣстно и ясно,

Яко будетъ день судный, страшно и ужасно
Время, день стенанія, день туги, день гнѣва

Божія, вонъже люта и неувѣтлива
Местъ погубить грѣшники, блази же вѣнчанни

Будутъ во славѣ. Прже убо нечаянный
Гласъ труби пройдетъ землю, той мертвыхъ возбудитъ,
(Дивна вещь во истинну!) и на судъ понудитъ

Во едино обратися: во огнь облеченный
Судія сядетъ, здѣ же и полкъ безчисленный
Огненныхъ слугъ предстанетъ. Всѣмъ же будетъ вѣрный
Свѣдатель—совѣсть своя, вся бо наша знаетъ

Тайная; той судія и сердца пронзаеъ.

Разлучитъ убо благихъ и злихъ на двѣ части:
Тыхъ въ радость воведетъ, а, имъже міра сласти

Препаша путь спасенный, пошлетъ во огнь вѣчный.
Вѣчный огнь! се страшно есть: кто безчеловѣчный

Тако будетъ, егоже не устрашитъ сіе?
Княже! добрѣ о себѣ размотри. Виждь, кіе

Совѣти даю тебѣ. Первіе вся міра
Состави развергуться, ниже наша вѣра
Измѣну прійметъ: сію намъ предвозвѣстиша
Пророци неложніи, въ пѣснехъ предгласиша
И древнія сѣвілли, еллинскія дѣви,
Но вземшія отъ Бога разумъ прозорливій.
Сію царіе, сію пріяша всецѣло
Премудріи людіе, и многія зѣло
Чудеса утвердиша, и мнози за сію
Кровь свою изліати, подъ мечъ нести вію,
Нищету, изгнаніе, темници, окови
И вся нужди терпѣти бываху готови.
Богатство, слава и чинъ княжескій великій
Минутъ скоро и стати не могутъ во вѣки,
Якоже и прочіихъ минуша; но, яже
Азъ глаголю, не имутъ конца никогдаже.

Владимеръ.

Даръ, егоже посла намъ царъ вашъ, честенъ бѣше;
Но безцѣнный есть бысеръ, егоже ми ваше
Благородіе нинѣ даруетъ. Той убо
Должна мя въ любвѣ моей творить, да сугубо
Вѣрну пріязнь утвержду аки ко моему
Брату; но за премудра словеса твоему
Благородію въ томъ мя должна знаю быти,
Да буду ты отселѣ во отца имѣти:
Царевѣ бо даръ за даръ отслати довлѣемъ,
За твой даръ равно дати ничтоже имѣемъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМЕРЪ, БОРИСЪ И ГЛѢБЪ.

Владимеръ.

Имате ли нѣкое сумнѣніе, чада,
О словѣ философа?

Борисъ.

Мнѣ еще отрада
Великая на сердцы и, егда онъ слово
Простираше, мнитъ ми ся, яко вино ново
Вліяше ми въ сердце.

Владимиръ.

И азъ таковую
Радость имѣхъ; но нинѣ инну во мнѣ чую
Измѣну: сонъ мя нѣкій устраши до зѣла.
Нѣкіимъ чернимъ мужемъ изведенъ отъ тѣла
Мнихся быти и ведомъ сквозѣ дебрь пустыню,
Потомъ вверженъ въ долъ темній, потомъ же ко инну
Мѣсту свѣтлу и злачну, но не вѣмъ, коего
Страха полну приведенъ,—доселѣ моего
Покоити не могу сердца. Къ тому громи
Зѣлнія слишахъ, потомъ весь отъ огня жгомій
Лютѣ бѣхъ; отсюду же пси лаяху мнози.
Боюся, да не гнѣвъ свой поощрають бози.

Глѣвъ.

Истинна суть, яко гнѣвъ поощрають бѣси;
Но суетній ихъ мечъ той. Вѣми, яко нѣси
Самъ устрашенъ, нашего сердца испитати
Хощеши, отче! Ми же, тебѣ подражати
Во всемъ обикнувшіи, ни мало въ семъ дѣлѣ
Не разнствуемъ отъ тебе; бѣсовской же силѣ
Весма поругаемся: во снѣ страхъ наводятъ.
Почто, аще силни суть, явѣ не исходятъ
На брань? Аки татіе, покровенни тмою,
Дерзають на спящаго и сѣнь со собою
Ведутъ на помощь; лютій полкъ суть и ужасній,
Лаяху же, аки пси, добрѣ: ибо гласній
Крикъ имутъ; но ничтоже крикомъ успѣвають,
Не ложни въ томъ, яко въ пси себѣ претворяють.

Мы, отче, велѣнія отъ твоей держави
Ожидаемъ! азъ сею рукою имъ главы
Покрушу, аки скудель.

Борись.

И о мнѣ не инно
Имѣй разумѣніе, отче! Непремѣнно
Согласіе наше есть, ниже кровь сродственна
Тако насъ вяжетъ яко вѣра божественна.

Владимѣръ.

Радуюся, о чада, яко ко благому
Преклонни есте зѣло; обаче влекому
Волю ко желанному не всегда ползуетъ
Свободно простарати, но да совѣтуетъ
Первѣе трезвій разумъ на мнозѣ, и тогда
Безбѣдно поидетъ воля: она бо иногда,
Мняще быти вещь добру, избираетъ злую.
Отъидѣте на время. Азъ посовѣтую
Наединѣ со мною... Зѣ воску имуть дѣти
Сердце, скоро ихъ на вся преклонишъ совѣти.

ЯВЛЕНІЕ II.

Владимѣръ.

Коль мнози суть совѣти, ихъ же лице красно
Мнитсѣ быти, но, егда разсмотрѣмъ опасно,
Инако являються... Первое се явѣ,—
Породится отъ сего укоризна славѣ
Нашей: не повергу ли греческимъ подъ нозѣ
Царемъ вѣнца моего? И ихъ же на мнозѣ
Усмирихъ побѣдами, тимъ самъ подчиненній
Буду, не оружіемъ,—еднимъ побѣжденній
Словомъ философимъ! Инако же носить
Обычай: да закона побѣжденній просить
Отъ побѣдника, сей же тому да владѣть.
Къ тому мѣръ знаетъ, яко сили ми довлѣтъ,
Да зѣ римскимъ царемъ саду купно же и равно,

Не тако, аще ученикъ его есмь. Явно
Се вѣмъ укореніе. Но уже и время

Мину ученичества: егда малъ бѣхъ, бремя
Сіе на мнѣ не бяше; нинѣ на престолѣ

Княземъ сѣдая, поддамъ мя учителской волѣ?
Доселѣ бѣхъ невѣжа, и невѣжи бяху

Князи праотци мои, вси бо почитаху
Сихъ боговъ несумѣнно. „Убо отъ безумныхъ

Порожденъ есть Владимиръ?“ Кто отъ многоумныхъ
Боляръ не повѣсть тако? Ниже токмо сіе

Рекутъ, но (что ми сердце уязвить люте)
Рекутъ, яко не ради вѣри пріяхъ вѣру,

Но страха ради, хотяя завѣщанну миру
Крѣпость дати, аки бы страшна ми со Греки

Брань была... Но что сія возмогутъ вопреки
Оглашенной истинѣ? Что сего порока

Множае азъ боюся, неже царь? Висока
Велми и его слава. Но намъ совѣтуя,

„Крестися“ ми не рече, да не азъ, дряхлая,
Творити се явлюся. Аще же и тое,

Еже азъ мишлю, будетъ, что се есть? Кое
Зло есть хулиму быти отъ рода лукава?

Димъ есть токмо—людская и хула, и слава!
А яко старъ учуся,—то ли будетъ бѣдно?

Учитися доброго во всякомъ не стыдно
Есть времени: „до смерти (обще гласить слово)

Всякъ человѣкъ учится“. Но на мнѣ се ново
Явится,—отъ праотецъ никтоже не бяше

Христіанинъ. Что къ тебѣ? Но аще бы наше
Не было отъ князей сродство, княземъ быти

Не требъ бы намъ было! Како же смирить
Имаши славу? Ни ли и во христіанехъ

Суть князи? Суть царіе, суть крѣпичи во бранехъ
Воини. Аще же то и не будетъ тако,

Что есть цвѣтъ міра сего? Не видишь ли, како

Цвѣтуше увядаєть; вся аки дождевній

Туманъ, аки димъ, аки кринъ единокдневній,
Аки сонъ исчезаютъ! А и сіе благо

Толь худое колико въ себѣ имать злаго,
Враждъ, зависти, болѣзней, случаевъ различныхъ!

Сія ли мя усадятъ? Сія отъ благъ вѣчныхъ
Удержатъ мя? Не буди!.. Но камо идеши,

Княже бѣдній? Триста женъ гдѣ суть? Небрежеша,
Всѣхъ отвращаєшися? Убо ти звѣръ дивій,

А не человѣкъ еси; тако горделивій
Будеши, хотя быти смиренній. И сію

Мзду воздаси за любовь? Уви мнѣ! Весь тлѣю,
Жегомъ огнемъ сердечнымъ, весь внутрь изгараю,

Пламень ввійде въ утробу. О горе! не чаю
Живъ быти, аще прійму законъ нелюбимій,

Иго тяжкое, яремъ, неудобъ носимій!
Аще же ми сіе исперва повѣданно

Было бы, когда еще не бѣ привязанно
Сердце мое толь долгимъ обычаемъ сластей,

Удобнѣе было бы. Нынѣ же огонь страстей,
Толику силу взявшій, како есть удобно

Угасити? Отсюду мнится неподобно
Ученіе христово: учить утоляти

Похоть плотскую. Како се есть—уязвляти
Естество? Естеству се наносится нужда.

Како убо онъ есть Богъ? Воля его чужда
Есть смотрѣнія, Богу отнюдъ несвойственна:

Аще онъ есть создатель міра вещественна,
То почто созданію своему противній

Законъ вноситъ? Аще же инъ кто міръ сей дивній
Произведе въ бытіе, инъ убо кто міра

Начало есть, убо есть о немъ ложна вѣра...
Владимере! что тако бѣснуешься? Кіа

Бѣси (о люте тебѣ!) наваждаютъ сіа
Помисли и глаголи? Тако еси краткой

Памяти, заби уже проповѣди сладкой
Философа? Что бо онъ рече неизвѣстно,

Что противно разуму? Откуда безмѣстно
Помишленіе сіе? Естества начало

Извѣстно показася Христость, но ни мало
Онъ всякому естеству не творять обиди:

Аще вождь дастъ воину мечъ, да тѣмъ побѣди
Ишетъ, или лѣтъ ему есть употребляти

На зло и вмѣсто врага друга убивати?
Тако похоть плотскую Богъ всѣя во плоти

Нашей, но да ей чинно, не яко же скоти
Въ ситость употребляемъ. Здравому согласно

Се есть разсужденію... Но мрачить ми страстно
Умъ — обыкновеніе, обичай сломити

Противнымъ обичаемъ. Аще же се быти
Труднымъ мнится, трудно есть, обаче возможно;

Трудно, но удобіе зло есть и безбожно;
Трудно, но мзди безъ труда никто не имѣтъ;

Трудно, но помянути на трудъ сей довлѣтъ
Огнь вѣчный. О Христе мой! (моимъ нарицаю,

Чуждъ тебе окаянный) въ твоей уповаю
Помощи; твоимъ быти желаю всецѣло,

Тебѣ мою отдаю и душу, и тѣло.
Угаси огонь, отжени и хулнія бѣси,

Едину мы сохрани славу: ибо вѣси,
Коль родъ мой горделивій княжеской державѣ

Поругается, аще вѣрую въ тя явѣ.
Буди угодно тебѣ, да отай крещуся....

О нечувства моего! Кого азъ стиждуся
И предъ кимъ? Во студъ мы есть безумну царь вишній,

Честенъ же мнится быти лукавій и грѣшній
Родъ сей! Не тако; всюду да проходятъ вѣсти

О мнѣ: се явѣ иду Христа исповѣсти.
Се иду, творю волю божества твоего,

И законъ твой посредѣ есть чрева моего.

ХОРЪ.

ПРЕЛЕСТЬ.

Возврати, Владимире, возврати бѣгъ сгѣшній,
Негли постой а слыши плачь мой неутѣшній.

Познай любезне,
Кто зоветъ слезне.
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кія идешъ страны?
Откуда гнѣвъ на ны?
Плачь ты не утолить,
Гласъ мой не умолитъ:
Тако еси твердѣй,
Тако жестосердѣй!
Любве ми одина!
Кая се измѣна!

Помани, Владимире, дни прежнія тіе,
Когда ты обатіе имаше сіе:
Кое тогда пространство, кая радость бяше!
Триста женъ лобзанія сердце вомѣщаше!
Скоки и плясанія бяху непрестанно;
Сласть всякая течаше въ душу невозбранно.
Коиъ тогда сладостей не бивахомъ сити!
Поминати сладко есть,—что жъ дѣломъ творити?
Вспомни, когда ко сердца охладѣ
Выхъ съ тобою въ красномъ вертоградѣ:
Естество цвѣтъ являше различній;
Азъ представляхъ жени краснолични.
Красно мѣсто отъ цвѣтовъ тихъ бяше,
Но краснѣйше позорище наше:
Стидѣшеса всюду цвѣтъ червленній,
Живихъ цвѣтовъ лицемъ побѣжденній.
Гдѣ днѣ тіе? Зайдоша въ долъ подземній,
Помрачи ихъ вечеръ темній,

Померче день свѣтозрачній,
Найде (люті!) облакъ мрачній.
Владимере, возлюбленна главо!
Кто тя сведе толь лукаво?
На самого себе лютіи
Хощеши гнѣвъ воздвигнути.
О мои люди! то вамъ не буди;
Путемъ христовимъ не йдѣте:
Жестокъ есть зѣло, удручить тѣло,
Тяжкаго ига не носѣте.
Кая лютость, о княже,
Благъ моихъ новій враже!
Аще тебе самага
Мучить тяжесть всезлаго
Что иннихъ тебе ради
Жалъ мучить безъ отради?
Триста сердець вздыхаетъ,
Шестьсотъ очесъ ридаетъ;
Се азъ все умножаю плачъ безмѣрній.
Не слышитъ каменній той и зловѣрній!
Не отъ княжа онъ есть рода,
Но отъ тугровъ лютихъ плода:
Весь есть звѣрній,
Весь каменній, весь желѣзній, весь жестокий,
Нечувственній, яровидній, яроокій!
Хулитъ онъ наши совѣти
И побѣди мнитъ то быти
Верхъ высокій.
Воистинну отмщу тебѣ, звѣре дивій,
Отмщу тебѣ сей укоръ нашъ горделивій:
Увѣси отъ мести данной,
Како любви поруганной
Жалъ гнѣвливій.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КУРОЯДЪ, ПЪЯРЪ.

Куроядъ.

Ясти мнѣ хочется, ясти, о горе! ясти,
Ясти хошу! Горе мнѣ! приходитъ пропасти.

Пъяръ.

Курояде! гдѣ ти былъ? гдѣ былъ еси нинѣ?

Куроядъ.

Дабы тако не былъ живъ князь нашъ (наединѣ
Съ тобою бесѣдую), яко богомъ жертва

Чрезъ него вся оскудѣ! О! аще бы мертва
Слышахъ его, слышахъ бы вѣсть радостну нову.

Пъяръ.

Почто тако?

Куроядъ.

Увѣривъ философа слову
Запрети приносить жертви по всѣмъ градомъ.

Пъяръ.

Мала еще се злоба.

Куроядъ.

Убивати голодомъ

Малу злобу зовеша да еще пречестныхъ

Жерцовъ и молебниковъ за весь родъ нечестныхъ!
Се азъ ходихъ на село курей куповати.

И когда сіе баше?

Пъяръ.

Горшее слышати

Вижду ты не случися, что глаголютъ мнози.

Молю тя: кто болій есть—жерци или бози?

Куроядъ.

Вѣмъ, что вопрошаеши: аки бы скорбь сію
О мнѣ имѣлъ? Ни, друже! Мене не жалѣю,
Жалѣю боговъ: ибо еще оскудѣтъ
Жертва, азъ куплю мяса; богъ же не имѣтъ
Пѣнязей и не поидеть на село: гладъ убо
Намъ—ему смерть готова. И сіе сугубо
Печалива мя творить.

Пѣяръ.

Еще ты не вѣси
Злобы его горшія. Тако его бѣси
На боговъ возяриша: повелѣ повсюду
Крушити боги. Видѣхъ, како удъ отъ уду
Отторженъ валяшеса, многихъ носи, нозы
Урѣзанніе видѣхъ. О благіе бози!
Болѣю за васъ зѣло. Чи не скорбь се, друже?
Ладо не можетъ уже плясати, ему же
Сіе дѣло отъ боговъ всѣхъ есть порученно,
Но токмо лактѣ движеть всеу, недѣйственно.
Мошко же отнюдъ кадилъ не возможетъ чути,
А Подвиздъ (о скорбь моя! о жалъ мой вселютій!)
Пребиту голень имать и храмлетъ, стеная!
Но слыши множайшая и крайняя злая:
Дѣти студніи, кумиръ разсѣкше подробну,—
Что видѣхъ окаянній! зри вещь неподобну....

Куроядъ.

Ахъ! ахъ!

Да како ихъ не пожретъ земля, се видяще?
Вѣсть ли сія Жериволь?

Пѣяръ.

Курояде! еще
Жериволь увѣсть сія, предастъ духа богу.

Куроядъ.

Но гдѣ онъ есть, не вѣси?

Пѣяръ.

Впаде во премногу

Болѣзнь отъ скорбей многихъ и едва возможетъ

Убѣжати отъ смерти: зѣло бо не можетъ

Ясти, ни вкуса чуетъ: третій день минаетъ,

Яко онъ ужъ одного токмо пожираетъ

Быка на день.

Куроядъ.

О люті! Все ми измремъ голодомъ!

О княже беззаконній! дабы ты надъ адомъ

Царствовалъ, не надъ нами, не надъ рускимъ родомъ!

Пѣяръ.

Молчи! Тѣшимся твоимъ, господи, приходомъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Мечиславъ, вождь, храбрій, пѣяръ и куроядъ.

Мечиславъ.

Кое здѣ дѣло, жерци? Воистинну дивній

Упоръ сей! Вы едины имате противны

Быти волѣ княжеской? О столпи безумни!

Скоти безсловесніи! Старцы дѣтоумни!

Куроядъ.

Что толикимъ, господи, движеши насъ страхомъ?

Мечиславъ.

Ни ли слышасте воли княжей?

Куроядъ.

Не слышахомъ

Воистинну, кая есть.

ХРАВРІЙ.

Убо еста глуха?

Трубній гласъ извѣщаше.

Пѣяръ.

Не доиде слуха

Нашего: ми зде равно прійдохомъ отъ пути;

Не быхомъ днесъ въ Кіевѣ. Но воспоминаuti
Изволте, господіе, кій указъ есть княжій.

Мы творимъ волю его. Воистинну вражій
Духъ бы былъ, аще бы кто противился волѣ
Толикаго владыки.

Мечиславъ.

Убо вамъ дотолѣ

Нѣсть вѣстно, яко всюду круштити кумири

Князь повелѣлъ, наставшей христіанской вѣри?

Пѣяръ.

Се повое мы слышимъ.

Куроядъ.

Ниже намъ чаянно.

Мечиславъ.

Како? Вся вѣсть Россія, вамъ же неслыханно
Доселѣ есть? Лжете, пси!

Пѣяръ.

О господи! буди,

Якоже глаголеши; обаче мы люди
Простіи, не слушахомъ.

Куроядъ.

Да не прогнѣвится

Власть твоя: ваша повѣсть отнюдѣ быти мнѣтся
Неудобъ вѣрителна: нашъ боголюбивій
Князь есть.

Мечиславъ.

О горе тебѣ! Или мнѣ, все лживій,
Лгати велиши? Убо отъ твоего жъ дѣла
Явлю истинну: круши идоли.

Куроядъ.

Сѣчила

Не имамъ со собою.

Мечиславъ.

Воини! дадѣте

Оружіе.

Куроядъ.

Милости прошу: не мучѣте
Болнаго. Видьте, како не могу подати.

Мечиславъ.

Удъ непослушливъ мечемъ достоинъ отяти.

Куроядъ.

Лютѣ мнѣ!

Мечиславъ.

Достизайте! Ти на мѣстце друга
Наступи; ни ли и ти тогожде недуга
Вредомъ ослабленъ еси?

Пъяръ.

Послушай мя мало,

Владико! Се Ладо есть богъ, а се—Купало,
А се—Перунъ великій: съ тѣми убо, яко
Хощете ви, творѣте; сего же никако
Не вредѣте, молю васъ. Охъ! съ коликимъ страхомъ
Поминаемъ, что о немъ отъ древныхъ пріяхомъ.
Прорекоша древніи жерци, яко аще
Вредить кто бога сего, тогда, то выдаще,
Слонце лучи закріетъ, Дпѣпръ же воспатится,
Кіевъ, трусомъ низверженъ, во прахъ обратится!
Молю васъ, не дерзайте.

*

ХРАБРІЙ.

Дерзнімъ убо сіе
Увѣдати: дѣло намъ страхъ сей явственнѣе
Покажетъ. О великій! О боже преславній!
Не прогнѣвайся на ны: что велѣ державній
Князь, достоинъ творити. Ащѣ погибаемъ,
Яко же прещаети, обаче держаемъ.
Не дерзайте, молю васъ. О люті! о горе!
Зрите: трясется земля, падетъ градъ воскре.
Падетъ градъ! Что творите? Не могу стояти
На ногахъ.

Мечиславъ.

Лживій лестче! не годѣ ти лгати.

Пѣяръ.

Солнце измѣняется!

Мечиславъ.

‘О koliko бѣше
Лщеніе! О koliko невѣжество наше!
Кая слѣпота! Камень и древо бездушно,
Аки Бога живаго, усердно, вседушно
Умилно почитати и тыхъ рабомъ быти,
Ихъ же рабъ твой, художникъ обыче творити.
Христе, свѣте истинній! что тебѣ имами
Воздати за толику милость, юже съ нами
Нынѣ сотворилъ еси?

ХРАБРІЙ.

Не неизволися
Власти вашей видѣти, како князь крестися?

Мечиславъ.

Желахъ отъ усердія; воинское дѣло
Удержа мя, не могохъ настигнуть: зѣло

Жалую того, Ти же добріа намъ вѣсти
Подаждъ, видѣлъ бо еси.

ХРАВРІЙ.

Но кто исповѣсти
Предивній позоръ можетъ? Никогда толика
Торжества азъ не видѣхъ. Два полка велика
Идяху стройно, въ одномъ славенороссійскій,
Въ другомъ бѣше избранный народъ византійскій,
Дворъ свѣтлаго Деспота, иже воспріяти
Князя царемъ посланъ есть: на всѣхъ воевъ златій
Цвѣтъ въ одеждахъ тканъ бѣше; броня же толикій
Свѣтъ испущаху, яко зрящимъ и страхъ нѣкій,
И радость рождашеся. Въ толикомъ позорѣ
Прійде князь нашъ ко храму. Храмъ низу и горѣ
Весь икони украшень; посредѣ стояше
Сосудъ серебрянъ великій, яко въ немъ можаше
Еденъ погрузитися человекъ; на десной
Странѣ стояше престоль утвары пречестной—
Первому епископу сѣдалище, иннимъ
Мало нижайша бяху; ошуюю чиннимъ
Образомъ вся особно бѣліе лежаху
Одежды, бѣлостію крини побѣждаху.
Утварь сію Деспота Владимиру, сину
Духовному своему, сотвори по чину
Древнему у христіанъ. Вся же та полата,
Аки звѣздъ, полна бѣше кованнихъ отъ злата
Лампадъ и свѣтилниковъ. Отъ восточной страны
Сладкіе исхождаху воня безпрестани.
Ставшу при дверехъ князю, се златыми врати
Отъ олтаря идяше клиръ весь; азъ, обятій
Страхомъ радостнимъ, (вѣруй, благородство ваше!)
Забыхъ, гдѣ есмь: сердце во мнѣ трепеташе.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВѢСТНИКЪ, МЕЧИСЛАВЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Великій князь Василій здравіе и радость
Благородству твоему посилаетъ.

Мечиславъ.

Въ сладость

Вѣсть такую приѣмлю. Но кое гласиши
Имя ново—Василій? Чаю, приходиши
Отъ князя ты нашего?

ВѢСТНИКЪ.

Нашъ мя посилаетъ

Князь къ тебѣ, Мечиславе; но тебѣ желаетъ
Здравствовать Василій.

Мечиславъ.

Тайно твое слово.

ВѢСТНИКЪ.

Владимеръ въ крещеніи пріять имя ново,
Василій нареченній. Хартія извѣстно
Вся явить.

Мечиславъ.

Храбрій! прочти, да всѣмъ будетъ вѣстно.

ХРАБРІЙ.

читетъ посланіе Владимерова:

Владимеръ, во святомъ крещеніи нареченній Василій, князь
кіевскій и всѣхъ російскихъ странъ повелитель, Мечиславу,
вѣрному воевъ нашихъ вожду, здравствовать.

Не случися доселѣ ниже мнѣ писати,

Ни тебѣ чести сіе, что отъ благодати
Божіей пріяхомъ; и, юже получаю

Радость нинѣ, ни въ коемъ же прежнемъ случаю
Не бысть прежде, аще бы и многія гради

Во плѣнъ пріяли быхомъ. Убо аще ради
Побѣдъ нашихъ должно вамъ радостными быти,
Колми паче достоитъ нынѣ вамъ имѣти
Торжество съ нами. Вѣсте, яко по совѣту
Царску, по милости же божіей, ко свѣту
Отъ тми прійдохъ: еже есть, оставше кумири
Бездушніа, воспріяхъ истинніа вѣри
Истинній законъ христовъ. Сіе нынѣ дѣло
Тогожде помощію, крайнѣ и всецѣло
Совершихъ: пріяхъ бѣлу, сложихъ утварь черну,
Во Христа облекохся и древнюю скверну,
Въ нейже и родихомся, омихъ совершенно
Тайною крещенія. Сіе извѣщенно
И отъ Бога живаго бысть намъ: ибо когда
Внїдохомъ во святую купель, вскорѣ тогда
Отпаде мы безбѣдно скверная тина
Отъ очесъ, но и по всемъ тѣлѣ ни едина
Вреда видѣхъ прочее. Божіе то баше
Призрѣніе и милость, яже мя учаше
Простаго и невѣжу явѣ и чудеснѣ,
Яко внутрь очистихся, очищенъ тѣлеснѣ.
Сіа вѣсть да радостна будетъ вамъ и честна,
Аще во васъ истинна, вѣрна и нелестна
Любовь есть къ намъ, ибо мя украшаетъ паче,
Неже тысяща вѣнцевъ побѣднихъ. Обаче
Что самъ обрѣтохъ, того и иннимъ желаю,
Совѣтую же токмо, не повелѣваю.
Сіе повелѣніе наше есть, да всюди
Идоли сокрушатся, и оттоль не буды
На хоругвахъ военныхъ ни громовой стрѣли,
Ниже вѣнецъ купалній, ни иншихъ бездѣлій;
Знаменіе крестное да будетъ прекрасно
Изображенно всюди, сіе бо ужасно
Всему противству будетъ: симъ вооруженній
Константинъ онъ великій погна безчисленній

Полкъ Максентіевъ. При семь полку посилаемъ
Хоруговъ, тебѣ же щить крестомъ знаменаемъ.

Мечиславъ.

Совѣтъ княжій усердно приѣмлю, понеже
Прежде Христа возлюбыхъ вседушно: а еже
Идоли сокрушити, дѣломъ исполнихомъ,
Что творити указомъ первымъ должны быхомъ,
За хоруговъ усердно полкъ благодарствуетъ,
За щить же тако крѣпкій велми долженствуетъ
Мечиславъ, да самъ своя перси вмѣсто щита
Дастъ ему отъ всякаго вражія навѣта,
Защищая власть его. О вой! се златій
Возсія день: достоинъ всѣмъ торжествовати.

ХОРЪ.

АНДРЕЙ, АПОСТОЛЪ, СО АНГЕЛИ.

Се уже день возсіа, — о радости многа! —
День прійде, извѣщеній прежде мнѣ отъ Бога!
Сей той есть свѣтъ, егоже, духомъ здѣ водимій,
Объщахъ ты, Києве, граде мой любимій!
Дотоль во тмѣ былъ еси, и зракъ твой, предъ міромъ
Свѣтелъ отъ дѣлъ преславныхъ, но яко кумиромъ
Темнымъ бѣше подчиненъ, бѣше зѣло черній.
Се цѣло тя просвѣти свѣтъ онъ не вечерній!
Но гдѣ есмь? Что се вижду? Кіа еще лѣта
Открываешь мнѣ, Цару вѣковъ? Свѣтъ отъ свѣта,
Вижду, умножается! Яко бо въ началѣ
Малъ потокъ отъ горъ сходитъ, потомъ же во малѣ
Умноженный отъ яннихъ, стекшихъ во едино,
Пространными ліется струями: не ино
Чудо о твоей славіи вижду, граде божій!
Се ти мученической крови растутъ рожи:
Борись, Глѣбъ, вѣтви святы корене святаго.
Лютѣ! Уже мечеть бѣсъ брата проклятаго,

Уже,—вижду,—копіе и ножъ поощраеть!

Но радуйся, о граде! Зѣло украшаетъ
Скорбѣ сія лице твое. Се же что? О странно

Чудо! Горѣ, зрящій наю, нечаянно
Свѣтъ велій испустиша. Вы же, сѣдиною

Честніи, о мужіе! (ибо предо мною
Не кріеть васъ и земля) что творите тамо?

Свѣтло васъ двоихъ вижду, и се единъ прямо
Другому, въ горахъ себѣ глубокиа ями

Копають изсохшими отъ поста руками.
Коль-же многи приходятъ къ онимъ отъ странъ многихъ!

Но и князи славніи,—чудо!—у убогихъ
Старцевъ богатства ищутъ. О коль много честныхъ
Лицъ вижду! Не толикій отъ круговъ небесныхъ,
Коликій свѣтъ изійдетъ отъ пещеръ тыхъ темныхъ.

Россія! се ты небо въ пропаstechъ подземныхъ!
Но и вся кіевскія гори драгоцѣнну

Утваръ всюди приѣмлютъ; всюди благочинну
Красоту вижду: аки во вѣнцѣ драгіа

Бисери, по всѣхъ горахъ зрю храмы святія.
Уви мнѣ! Украти гнѣвъ, царю прогнѣванній!

Что прещеніе сіе? Что нечаянный,
Граде, великъ гнѣвъ на тя пріять огнепална

Местъ божая? Велми ты сотворить печална:
Нѣкому Батію мечъ даетъ огненній,

Тѣмъ погубленъ будеши, и тѣмъ посѣченній
Цвѣтъ людей твоихъ падетъ и скоро повянетъ.

Но не до конца забвенъ будеши: возстанетъ,
Возстанетъ избранъ Богомъ, иже ты возставитъ,

Возвратитъ ты доброту и паки прославитъ,
Седмій бо вѣкъ отнынѣ свѣтила премнога

На златой колесниці везетъ ты отъ Бога.
Вижду мужей премудрихъ, вижду учителныхъ

Къ тому и храбрихъ въ брани и многодѣльныхъ,
Посредѣ же всѣхъ оныхъ велія свѣтила

Два свѣтятъ: единъ власомъ убѣленъ до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну

Украшаетъ, въ родномъ же знамени небесну
Вижду утварь: звѣзды бо купно со луною

И въ небо перущою зрими суть стрѣлоу.
О церкви російская! коль много ты свѣта

Отъ сихъ свѣтилъ прибудеть во оніе лѣта!
Другаго же воинску вижду бронь носяща,

Всего пламенна, всего хвалимимъ горяща
Гнѣвомъ. И вижду купно, како полки многи

Вражія устрашаетъ и ломить имъ роги.
Вижу и се: вражія Магомета гради

Трясуютъ предъ нимъ, падутъ, не чають отради.
Но нѣкій левъ ярится и на мужа силна

Ногти острить. Но ярость твоя есть бездѣлна,
Звѣре гордый! Поспѣшно, о вожду великій,

Поспѣшно иди: будетъ сверѣпій и дикій
Хищникъ раздранъ отъ тебѣ и издшетъ воскорѣ,

Ти же наречешися отъ всѣхъ Самсонъ вторій.
Но онъ на се отъ мене оружія просить:

Почто? твое бо въ щитѣ благородство носить
Крестъ самага Господа, на вся супостати

Страшній. Обаче мнится онъ намъ глаголати:
„Твоимъ быти воиномъ велить мы, Андрею,

Царъ Петръ, за помощію ратую твоєю“.
Ратуй, мой оружниче! Ратуй, вожду мощній!

Азъ, аще въ чомъ возмогу, буду ты помощній.
Се же кій во слѣдъ его позоръ поспѣшаетъ?

Образъ нѣкій азъ вижду, егоже являетъ
Предзрѣніе божіе; многа и чудесна

Вижду на немъ зрѣнія: zde равnoneбесна
Обитель печерская каменнія стѣни

Подносятъ, а Дѣвая исполнь своей сѣни
Наметъ распростираетъ,—наметъ, свѣта полній,
Наметъ, ко Маріину жилищу доволній.

Здѣ ино чудо вижду: аки бы забвенній,
Аки не бывшій, еще давно поверженній
Престолъ переяславскій и лежавшій долѣ
Возстаетъ уже красно: на томъ же престолѣ
Посажденъ бысть мужъ нѣкій честенъ, добронравенъ,
Древнимъ онимъ пастиремъ ревностію равенъ.
Здѣ инніе многіе зрю доми святіе.
Отъ всѣхъ же краснѣйшее позорище сіе:
Зиждется домъ ученій. О дней ты блаженныхъ,
Россія! Колико бо мужей совершенныхъ
Произведетъ ты домъ сей! Надъ всѣми же сими
Храминами зиждитель Іоаннъ славимій
Начертанъ зрится. Боже дивній и великій,
Открывшій мнѣ толику радость и толикій
Свѣтъ на мя изліявій! даждь крѣпость и силу,
Дажь и многоденствіе, даждь къ всякому дѣлу
Поспѣхъ благополучній, брань всегда побѣдну!
Дажь здравіе, державу, тишину безбѣдну!
Дажь сія царю ПЕТРУ, отъ Тебе вѣнчанну,
И его первѣйшему вождю Іоанну!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I. Драматическій элементъ въ народной поэзіи.

(Изъ соч. П. О. Морозова).

Какъ у всѣхъ другихъ народовъ, такъ и у насъ на Руси первыхъ признаковъ появленія драматическаго элемента въ словесности слѣдуетъ искать въ культовомъ обрядѣ и сопровождающихъ его пѣсняхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — въ играхъ, въ которыхъ мимическій инстинктъ, всякому человѣку присущій, находитъ выраженіе въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, въ сохранившихся до нашего времени народныхъ обрядахъ, уже утратившихъ, подъ вліяніемъ христіанства, свое старое

культовое значеніе, въ народныхъ праздникахъ, гадаваньяхъ, хороводныхъ играхъ и т. п., мы видимъ присутствіе болѣе или менѣе значительной доли драматизма, видимъ не только діалогъ (самъ по себѣ еще не составляющій драмы), но діалогъ въ соединеніи съ поясняющею его мимикою, съ дѣйствіемъ, рассчитаннымъ на зрителей; пѣсня мало по малу отдѣляется отъ обряда въ самостоятельное цѣлое и, осложняясь новыми элементами, переходитъ въ игру, болѣе или менѣе драматизированную. Этотъ постепенный процессъ обособленія драмы отъ обряда можно прослѣдить въ нашей народной поэзіи въ различныхъ стадіяхъ его развитія.

Несомнѣнно древнѣйшіе изъ сохранившихся до нашего времени народныхъ обрядовъ и игръ связаны съ праздниками солнечнаго года, установившимися, конечно, еще въ ту отдаленную пору, когда солнце чествовалось, какъ божество, дарующее жизнь природѣ. Два солнцеворота, зимній и лѣтній, дѣлятъ этотъ народно-праздничный циклъ на двѣ части и служатъ начальными днями цѣлаго ряда праздниковъ, изъ которыхъ многіе соединены съ обрядами драматическаго характера, имѣющими видъ особыхъ представленій съ распределеніемъ ролей и даже иногда съ нѣкоторою костюмировкой.

Послѣдніе дни стараго года и начало новаго съ давнихъ поръ имѣли и имѣютъ въ народномъ быту особенное, важное значеніе. Въ Атикѣ съ незапамятной старины происходили въ это время такъ называемыя сельскія Діонисіи, праздникъ пробы молодого вина; въ Римѣ эти дни были временемъ безшабашнаго разгула сатурналій; съ водвореніемъ христіанства святки получили нѣсколько иную окраску, хотя впрочемъ, окраску только внѣшнюю: старая ихъ сущность уцѣлѣла до сихъ поръ, представляя любопытный примѣръ такъ называемаго „переживанія“ въ исторіи культуры. Святочная обрядность, въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, представляетъ чрезвычайно много общаго и поразительно сходнаго даже въ мелочахъ. Какъ въ мірѣ

древне-классическомъ Діонисіи, Врумаліи и Сатурналіи послужили зародышемъ народнаго театра, точно такъ-же и въ средневѣковой Европѣ, и у насъ, преимущественно изъ святочныхъ игръ выдѣлились и развились элементы народныхъ драматическихъ зрѣлищъ. Поэтому для первоначальной исторіи нашей драматической литературы и театра многіе святочные обряды имѣютъ существенное значеніе.

Въ особенности слѣдуетъ это сказать о святочномъ переряживаніи и скоморошествѣ, проявляющихся повсюду въ Европѣ, и притомъ съ очень давняго времени, почти въ однихъ и тѣхъ же формахъ. Переряживаніе всегда соединено съ игрою, съ извѣстнымъ представленіемъ, иногда только мимическимъ (пляска, борьба и проч.), но очень часто и разговорнымъ. Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о переряживаніи и соединенныхъ съ нимъ забавахъ на Руси восходятъ къ XI столѣтію и всегда заключаютъ въ себѣ строгое осужденіе этой потѣхи, какъ и всякаго иного проявленія народнаго веселья вообще.

Обычными и наиболѣе распространенными у насъ, да и повсюду въ Европѣ, типами ряженія являются фигуры животныхъ — волковъ, лисицъ, журавлей, въ особенности-же медвѣдя и козы; далѣе, мужчины рядятся женщинами и наоборотъ; рядятся разбойниками, цыганами, чертами и т. д. При этомъ, какъ уже было замѣчено выше, ряженные или окрутники иногда ограничиваются лишь мимикой или пляскою, иногда-же разыгрываютъ и небольшія сценки очень незатѣпливаго содержанія. Если ряженные являются съ медвѣдемъ и козою, то разыгрывается извѣстное представленіе ручнаго медвѣдя, причемъ „коза“ подплясываетъ, ударяетъ въ „ложки“; „цыгане“ гадаютъ, продаютъ лошадей, вооружаютъ; „разбойники“ представляютъ „лодку“, то-есть, садятся на полу въ два ряда въ видѣ гребцовъ и поютъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, съ прибавленіемъ діалога между атаманомъ и есауломъ; въ новгородской губерніи, гдѣ ряженные называются кудесниками, а ихъ шутки и представ-

ленія — кудесами, разыгрываются иногда уже цѣлыя піесы позднѣйшаго, литературнаго происхожденія.

Эти народные святочные спектакли, по своему характеру и содержанію, представляются, какъ было замѣчено уже Н. С. Тихонравовымъ, совершенно однородными съ нѣмецкими средневѣковыми масляничными играми (Fastnachtsspiele), которыя, въ свою очередь, очень близко подходят къ старымъ французскимъ фарсамъ и *soties* и къ импровизированнымъ сценамъ итальянской народной комедіи. На святкахъ и на масляницѣ, какъ у насъ, такъ и въ средневѣковой Германіи, толпа ряженыхъ ходила изъ дома въ домъ, разыгрывая коротенькія комическія сценки, содержаніе которыхъ иногда бралось изъ животнаго эпоса (напримѣръ, изъ разказомъ о лисѣ).

Изъ сопоставленія указанныхъ нами обрядовъ, которые всѣ, такъ или иначе, соединяются съ ряженіемъ, видно, что самая костюмировка имѣла нѣкогда значеніе религіозное; люди, наряженные животными (въ особенности — медвѣдемъ и козой), замѣняли въ обрядѣ самихъ этихъ животныхъ; ихъ дѣйствія имѣли характеръ символическій, соотвѣтствовавшій народнымъ вѣрованіямъ; по мѣрѣ постепеннаго вырожденія серьезнаго обряда въ забавную игру, измѣнялась, соотвѣтственно, и роль его участниковъ, и они изъ служителей извѣстнаго культа обращались мало по малу въ простыхъ потѣшниковъ. Нѣкоторые изъ существующихъ въ настоящее время обрядовъ и до сихъ поръ еще сохраняютъ свое старое, серьезное значеніе, хотя уже смутно понимаемое, большинство же ихъ уже совершенно его утратило. Видоизмѣненіе формы обряда выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленіи драматическаго элемента, въ распространеніи діалога комическими, балагурными вставками. Такимъ образомъ, и наша народная драма, точно такъ же, какъ и искусственная, беретъ свое начало внѣ области поэтическаго творчества, именно — въ религіозномъ обрядѣ, выдѣляясь изъ котораго, ея зародыши получаютъ дальнѣйшее развитіе.

Кромѣ обрядовъ, имѣвшихъ первоначальное культовое значеніе, въ народномъ обиходѣ существовалъ и существуетъ цѣлый рядъ обрядовъ чисто бытовыхъ и затѣмъ просто игръ, не имѣющихъ другой цѣли, кромѣ забавы. Какъ тѣ, такъ и другія заключаютъ въ себѣ немало элементовъ драматическихъ. Въ числѣ бытовыхъ обрядовъ (въ данномъ случаѣ, тѣсно связанныхъ съ остатками стараго культа) первое мѣсто, по богатству драматическаго содержанія, занимаетъ народная свадьба, которая является, можно сказать, сплошнымъ драматическимъ представленіемъ, непрерывнымъ рядомъ заученныхъ, традиціонныхъ сценъ, разыгрываемыхъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ порядкѣ, подъ руководствомъ опытныхъ, бывалыхъ людей. Народъ, повидимому, и самъ сознаетъ этотъ театральнѣйшій характеръ свадебнаго торжества; на это указываетъ выраженіе: играть свадьбу, и такая игра всегда привлекаетъ многочисленную, любопытную публику. Обширная и сложная свадебная драма въ разныхъ мѣстностяхъ разыгрывается различно, но основное ея содержаніе, не смотря на все разнообразіе варіантовъ, остается всегда одно и то же, такъ что мы можемъ раздѣлить ее на акты, неизмѣнно слѣдующіе одинъ за другимъ и соотвѣтствующіе главнѣйшимъ ея моментамъ.

Во всѣхъ этихъ актахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является неvěста; на ея долю выпадаетъ наибольшее количество свадебныхъ пѣсенъ: она оплакиваетъ свою дѣвичью волю, прощается съ семьею, горько жалуется на судьбу, заставляющую ее итти въ чужую дальнюю сторону и т. д. Съ другой стороны, женихъ играетъ роль чисто пассивную; за него все говоритъ и дѣлаетъ его руководитель, дружокъ, отлично знающій всѣ тонкости свадебнаго дѣла, и притомъ — балагуръ и остроловецъ скоморошьяго пошиба, говорунъ, который въ карманъ за словомъ не полѣзетъ и дастъ отвѣтъ на всевозможные вопросы, какіе, согласно обряду, постоянно ему предлагаются. Невѣстою руководить дружка, тоже опытная и ловкая, знающая, когда и что слѣдуетъ дѣлать, пѣтъ

и говорить, и слѣдѣщая за каждымъ шагомъ своей ученицы. Такая дружка носить различныя названія: вытница, выльница, плачѣя, пѣвуля, стиховодница, заводница и т. п. Дружка и заводница являются, такимъ образомъ, режиссерами свадебной драмы и хранителями ея неписаннаго текста. Во всемъ обрядѣ, заключающемъ въ себѣ множество отдѣльных эпизодовъ, нѣтъ ни одного произвольнаго слова: все заранѣе предусмотрѣнно и разучено, и все происходитъ „какъ по писанному“, въ строго опредѣленномъ, изстари усвоенномъ порядкѣ; всякое дѣйствіе сопровождается соотвѣтствующими пѣснями, причемъ дѣвушки-пѣвицы играютъ въ этой свадебной драмѣ какъ бы роль древняго хора.

Въ старое время, непремѣннымъ участникомъ свадебнаго обряда являлся, какъ мы уже указывали, скоморохъ. „Не подобаетъ хрестьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричется, но идолослуженіе, иже суть: плясба, гоудьба, пѣсни бѣсовскыя, сопѣли, боубни и вся жертва идольска“.

Свадебные обряды заключаютъ въ себѣ такъ много драматическихъ элементовъ, что народъ не только любитъ смотрѣть на настоящую свадьбу, но любитъ также и представлять ее. Во время святочныхъ посидѣнокъ, „при крикѣ свадебныхъ пѣсень, при стукѣ и топотѣ скачущихъ, молодежь обоого пола переряживается — женщины и дѣвицы въ мужчинъ, мужчины — въ женщинъ, и разыгрываются свадьбы, въ которыхъ молодецъ женится на дѣвицѣ или женщинѣ, или женщины и дѣвицы — между собою“.

Выборъ невѣсты или жениха, любовь и ухаживанье и различныя сцены семейной жизни составляютъ любимое содержаніе хороводныхъ пѣсень. Извѣстно, что на народномъ языкѣ говорится: играть пѣсню; и дѣйствительно, о большинствѣ хороводныхъ пѣсень, съ точки зрѣнія общихъ понятій объ искусствѣ, слѣдуетъ сказать, что онѣ не просто поются, а разыгрываются въ смыслѣ драматическомъ. Каждая такая пѣсня въ исполненіи представляетъ прямую, за-

конченную сцену, въ которой воспроизводится какой-нибудь смѣшной или грустный, но всегда типичный бытовой эпизодъ.

Другія хороводныя игры имѣютъ содержаніемъ шуточные сцены, въ которыхъ, наравнѣ съ людьми, дѣйствуютъ и животныя. Такова, напримѣръ, игра въ „зайнку“, который вертится среди хоровода и ищетъ, гдѣ бы ему выскочить, или въ „воробушка“, который представляетъ, какъ ходятъ молодцы, дѣвицы, старики, горбатые, хромые, купцы, бояре, скупые, нищие, пьяные и т. д.

Нѣкоторыя игры изображаютъ, тоже не безъ юмора, разные сельскія занятія. Во Франціи, а также и въ Италіи, разыгрывается, напримѣръ, „ronde mimique“ объ овсѣ.

Изъ этого бѣглаго обзора драматическихъ элементовъ нашей народной поэзіи видно, что въ старое время у насъ, какъ и на Западѣ, народъ имѣлъ возможность дойти самостоятельнымъ путемъ до выработки оригинальныхъ драматическихъ представленій, которыя могли бы послужить основой для развитія народнаго театра. Въ народѣ, несомнѣнно, существовала потребность подобныхъ зрѣлищъ и, при извѣстной свободѣ дѣйствія, изъ нихъ могло бы развиться что-нибудь въ родѣ нѣмецкихъ Fastnachtsspiele. Но, въ продолженіе всего древняго и средняго періода нашей литературы и образованности, это развитіе было крайне затруднено. Руководители нашего общества постоянно относились ко всякому проявленію народнаго веселья и народнаго поэтическаго творчества съ строгимъ порицаніемъ: здѣсь видѣлись имъ остатки языческой, бѣсовской старины, которую они всѣми силами старались искоренять и которая, при такомъ взглядѣ, понятно, не могла найти себѣ въ литературѣ никакого выраженія, никакой поддержки. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, благодаря особенностямъ нашей культуры, мы далеко отстали отъ западной Европы, гдѣ народная поэзія получила широкое развитіе и давно уже сдѣлалась важною зиждущею силою въ литературѣ. У насъ нѣко-

торая возможность дальнѣйшаго движенія въ области народнаго драматизма явилась только тогда, когда старый византійско-церковный авторитетъ, тяготѣвшій надъ народною жизнью, уступилъ свое мѣсто новому авторитету — свѣтской государственной власти, которая стала относиться къ проявленіямъ народнаго веселья уже снисходительнѣе, наблюдая за ними лишь съ точки зрѣнія внѣшняго полицейскаго порядка. Но, въ это время, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, наша литература также не давала народному творчеству почти никакихъ точекъ опоры, потому что въ ней самой почти не было самостоятельныхъ поэтическихъ элементовъ. Оттого взаимодѣйствіе между книжною и народною словесностью было весьма слабо, обнаруживалось лишь кое-гдѣ, случайно, спорадически, и не могло создать удобной почвы для самостоятельнаго развитія драмы и театра, такъ что и въ настоящее время немногія произведенія народной словесности, облеченныя въ драматическую форму, имѣютъ характеръ совершенно элементарный. При такомъ положеніи дѣла, становится понятнымъ, почему, когда въ обществѣ проявилась потребность въ зрѣлищахъ, за ними пришлось обратиться на Западъ и принять тѣ отбросы европейской драматической литературы, которые были вынесены къ намъ отдаленными волнами цивилизації.

II. Средневѣковыя мистеріи въ Европѣ и Россіи.

(Изъ ст. П. Пеккарскаго).

Отличительный характеръ старинныхъ западныхъ мистерій состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ сохранился богослужебный характеръ; притомъ, древнѣйшія писаны на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходила божественная служба (*Ludus paschalis de passione Christi, ludus de nocte paschali* и пр.). Иногда мистеріи давались въ продолженіе двухъ, трехъ и даже семи дней. Въ позднѣйшихъ замѣтно болѣе искусства въ изложеніи, при

чемъ исключены ненужные и не идущіе къ дѣлу эпизоды, а введены такіе, которые имѣли близкое отношеніе къ жизни. Затѣмъ являются сцены, заимствованныя изъ ветхаго завѣта; отъ времени до времени представленія новозавѣтной исторіи прерываются между дѣйствіями, въ которыхъ выводятся лица и приключенія изъ ветхаго завѣта. Такимъ образомъ, исторія Сусанны предшествуетъ событію изъ новаго завѣта, когда Христосъ прощаетъ раскаявшуюся блудницу; Давидъ и Голиафъ выводятся предъ входомъ Спасителя въ Іерусалимъ; за продажею Іосифа братьями слѣдуетъ предательство Іуды и т. д. Въ этихъ междудѣйствіяхъ и вводныхъ эпизодахъ по большей части избирались такіе случаи изъ ветхаго завѣта, которые въ самихъ себѣ уже заключали единство драматическаго дѣйствія и характера, что приближало ихъ къ классической трагедіи. По этой-то причинѣ, сюжетами для мистерій всѣхъ европейскихъ народовъ были по преимуществу приключенія Навуходоносора, Эсѣири и Амана и т. п. Сначала въ мистеріяхъ не допускался комическій элементъ, но его присутствіе какъ бы предчувствуется въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ этого рода. Тѣлесные недостатки, уродство и безобразіе — вотъ предметы, которые сама природа предоставила насмѣшкѣ. Передразниваніе этихъ недостатковъ, обезьянничаніе ихъ составляетъ уже попытку ввести въ искусство комическій элементъ. Поэтому, демонъ старинныхъ мистерій можетъ считаться первообразомъ всѣхъ карикатуръ и смѣшныхъ изображеній послѣдующихъ временъ. Комизму, по самому свойству его, необходима разговорная форма: большая часть шутокъ, остротъ и мѣткихъ насмѣшекъ древнихъ и новыхъ писателей являются въ разговорахъ.

Германскія мистеріи, гдѣ замѣчается комическій элементъ, относятся къ XIV столѣтію. На западѣ духовенство, для привлеченія толпы, допускало забавное и смѣшное даже въ свои процессіи, а это и было причиною, что образовались представленія, гдѣ серьезное смѣнялось забавнымъ и наобо-

*

ротъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ каждомъ празднествѣ есть всегда и важное, и комическое: ярмарка и притомъ какая-нибудь торжественная церемонія, вмѣстѣ взятая, представляютъ соединеніе серьезнаго праздника съ комическими антрактами. Нѣмецкое драматическое представленіе на страстной недѣлѣ можетъ служить образчикомъ тому: торжественныя пѣснопѣнія смѣшаны съ уличнымъ сценами между купцомъ, женою его, слугою и торговками—и все это въ шутовскомъ родѣ; лица пребезобразныя, бранчивая жена дерется съ мужемъ.

Въ сосѣдственной намъ Польшѣ религіозныя драматическія представленія существовали уже въ XII в. И тамъ высшее духовенство, замѣтивъ излишество и крайности, старалось о прекращеніи подобныхъ зрѣлищъ, которыя, вмѣсто распространенія набожности и уваженія къ религіи, служили только къ упадку ея. Запрещенія, однако, не произвели желаемого дѣйствія, а подали поводъ къ прискакию другихъ мѣстъ внѣ церкви для театральныхъ зрѣлищъ. Драмы въ родѣ страстей Христовыхъ, убіенія св. Іоанна Предтечи и т. п. продолжали даваться предъ народомъ съ тою разницею, что это происходило не въ церквахъ, а въ школахъ и на кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія были запрещены мистеріи, гдѣ преобладалъ комическій элементъ, и тогда то онѣ, въ Польшѣ посившія названіе діалоговъ, нашли себѣ убѣжище въ стѣнахъ школъ. Уже въ XVI вѣкѣ онѣ были полурелигіозными, полусвѣтскими, и такими ихъ застали іезуиты, въ школахъ которыхъ діалоги удержались до окончательнаго уничтоженія ордена.

Старинныя польскіе діалоги писались или по греческимъ образцамъ, съ хорами, или, согласно обычаямъ средневѣковой Европы, съ интермедіями, или же, наконецъ, просто, безъ всякихъ добавокъ, состояли изъ разсужденій, изложенныхъ въ разговорной формѣ. Нѣкоторые изъ діалоговъ были оригинальные, другіе переводные, большая же часть передѣланные на польскіе нравы. Сатирическія стихотворенія Ста-

нислава Граховскаго (въ концѣ XVI в.), писателя народнаго по преимуществу, породили множество подражателей и, между прочимъ, подали примѣръ введенію сатиры и въ драматическія представленія. Съ тѣхъ поръ, въ такъ называемыхъ интермедіяхъ (прелюдіяхъ, интерлюдіяхъ) стали являться лица и событія изъ современной жизни. Въ Польшѣ такъ-же, какъ и въ Германіи, серьезныя представленія смѣнялись шутивными: въ одной драмѣ, на страстной недѣлѣ, послѣ самыхъ поразительныхъ сценъ, является діаволъ и продаетъ веревку Іудѣ, совѣтуя ему удушиться и проч.

У каждого народа были любимыя лица, постоянно показывавшіяся во всѣхъ комическихъ піесахъ; съ теченіемъ времени, они становились народными, и ихъ названія дѣлались нарицательными именами пороковъ, недостатковъ или слабостей, которыми надѣлялись тѣ лица въ комедіяхъ. Такъ въ старинной итальянской комедіи часто попадаются три чело-вѣка: добродушный отецъ, сынъ распутникъ и пройдоха слуга. Первый всегда былъ венеціанскій купецъ или законникъ изъ Болоньи и носилъ названіе Панталона. Изъ Бергама брали обыкновенно въ комедіи шутовъ, такъ какъ тамошніе уроженцы славились, какъ наши вятичи пошехонцы, особенною неуклюжестью, и притомъ были не прочь и помешенничать. Бригелла былъ плутоватый, а Арлекинъ—простоватый слуга. Замѣчательно, что слѣды этихъ четырехъ лицъ сохранились и въ комедіяхъ Мольера.

У французовъ извѣстно подобное лицо подъ именемъ Jean Farine, у нѣмцевъ—Hanswurst. Въ польскихъ интермедіяхъ выводятся Альбертъ, канторъ (пѣвчій на клиросѣ) и клеха (церковный сторожъ). Послѣдній заступалъ мѣсто итальянскаго арлекина, роль кантора соотвѣтствовала Бригиллѣ. Иногда показывались на сценѣ и панъ, и деревенскій судья, у котораго, неизвѣстно почему, разумъ былъ холопскій, и рогатый нечистый, всегда измаранный грязью и съ мѣрою кипящей смолы. По временамъ входилъ и Добрый духъ или Вѣра съ крестомъ въ рукахъ. Смерть одолѣвала чело-вѣка, а

душу его соблазнялъ, только напрасно, нечистый же. За послѣднимъ выступаетъ колдунья, а изъ мифологіи Бахусъ съ сатирами. Изъ другихъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе Хвастунъ-странникъ и Забіяка-солдатъ, также Слава, Добродѣтель. Глуповатая шляхта, любившая покутить, взяточникъ-бурмистръ, жидокъ, деревенщина изъ разныхъ мѣстъ, также бывали на сценѣ. Но всего чаще встрѣчаются въ польскихъ пьесахъ хвастуны-пилигримы и разные пьянчужки...

Русскія старинныя драматич. представленія, если разсматривать ихъ только въ самихъ себѣ, не обращая вниманія на окружающую дѣйствительность, имѣютъ много сходства съ мистеріями и драмами средневѣковой Европы и старинной Польши. Но это средство не можетъ привести изслѣдователя къ убѣжденію, что возникновеніе, успѣхи и преобразование театра были одинаковы какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Разница съ исторической точки зрѣнія тотчасъ видна и въ началѣ, и въ дальнѣйшей судьбѣ русской и европейской драмы. Крестовые походы и религіозный энтузіазмъ, овладѣвшіе тогда западной Европой, немало содѣйствовали введенію мистерій. Разказы крестоносцевъ, возвращающихся отъ святыхъ мѣстъ, повѣсти пилигримовъ, при всеобщей экзальтаціи, имѣли въ себѣ много драматическаго и, весьма вѣроятно, подали поводъ къ введенію религіозныхъ мистерій. Католическое духовенство никогда не упускало случая пользоваться всѣми средствами увеличивать, подъ видомъ распространенія и прославленія религіи, свое собственное вліяніе на народъ и извлекать изъ того всевозможныя выгоды. Броженіе умовъ, особенная восторженность были отличительною чертою западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка; не удивительно, что духовенство всего болѣе старалось дѣйствовать на чувства и осязательно представлять то, что для большинства въ религіи оставалось бы иначе темнымъ или непримѣтнымъ. Если Польша не испытала въ такой степени, какъ остальная Европа, вліяніе крестовыхъ походовъ, то взаимнѣ она съ давнихъ временъ подвергалась вліянію католическаго духовенства. Припомнимъ

только, какимъ важнымъ вліяніемъ пользовался въ этомъ государствѣ іезуитскій орденъ въ дѣлѣ просвѣщенія, по всѣмъ отраслямъ знанія, даже до конца XVIII вѣка,—и намъ становится яснымъ, почему славяне по происхожденію и, слѣдовательно, не склонные къ какому бы то ни было фанатизму по самой природѣ своей, поляки, однако, принимали сильное участіе въ религіозныхъ распрахъ и неурядицахъ, что было причиною многихъ несчастій для цѣлой страны.

Вліяніе духовенства отразилось и въ драматическихъ представленіяхъ старинной Польши. Высшее духовенство издавало запрещенія противъ нихъ, но они не были искоренены, напротивъ, поддерживались и въ церквахъ, и въ школахъ, потому что мѣстное духовенство и монашескіе ордена извлекали изъ того выгоду, привлекая народъ, вербуя себѣ жаркихъ приверженцевъ, увеличивая даже число учащихся въ своихъ школахъ. Все это не могло имѣть мѣста въ Россіи. У насъ мало или, лучше сказать, вовсе нѣтъ матеріаловъ для исторіи кіевскаго театра; но изъ исторіи тамошней академіи извѣстно, что Петръ Могила, при учрежденіи русскихъ школъ, заимствовалъ распорядки польскихъ учебныхъ заведеній. Поэтому-то учитель поэзіи *обязывался* въ Кіевѣ каждый годъ готовить для лѣтнихъ рекреаций драму, комедію или трагедію.

Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михайловичѣ не были вызваны ни духомъ времени, ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ польскими обычаями и даже литературой. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія на судьбу драматическаго искусства въ Россіи и полагають разницу между нашимъ театромъ и европейскимъ. Но выше замѣчено, что драма стоитъ въ тѣсной связи съ жизнію и болѣе, нежели другія отрасли поэзіи, сохраняетъ въ себѣ отпечатокъ современной эпохи. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не выказаться и въ пересажденіи къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзы-

вается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какой-нибудь намекъ или анахронизмъ напоминаютъ намъ, что писатель былъ малороссъ или жилъ въ Москвѣ, — все остальное чуждо и нашему быту, и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ русской драмы, — если принимать въ расчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще — продолжался весьма недолго. Въ извѣстной намъ мистеріи Дмитрія Ростовскаго хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужого голоса правилами. Въ началѣ семисотныхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ русской исторіи; въ ней описываются событія русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобы обрусить, именуютъ Жериволами, Ярополками. Разборчивый изслѣдователь и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но и здѣсь самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при тогдашнихъ схоластическихъ преданіяхъ и рутинѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Драма и комедія Петровскихъ временъ, оставаясь по формѣ тѣмъ же, чѣмъ были онѣ прежде, по содержанію своему имѣютъ близкое соотношеніе къ тогдашней дѣйствительности. Театральныя представленія уже не ограничиваются событіями изъ священной исторіи; если эти послѣднія и находятъ себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, или въ видѣ необходимой уступки прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVIII в. составляло прославленіе подвиговъ государя, его счастливыя побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ непокорными и т. д. — по казалось мало для назиданія зрителей одного прославленія побѣды или выставленія напоказъ не-

счастной судьбы противящихся — комическій элементъ, на-смѣшка надъ тѣми, которые осмѣливались плыть противъ теченія потока, — также призваны на помощь, и вотъ предъ зрителями являются старовѣры съ своими убѣжденіями, несчастный ставленикъ, котораго надуваютъ, подъячій, берущій взятки, дьячокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей въ науку.

III. Вертепная драма.

(Изъ ст. И. С. Тихонравова).

Вертепная драма сдѣлалась въ южной Руси наиболѣе любимымъ и распространеннымъ видомъ *народно-христіанской* мистеріи. И по существу представляемаго событія, и по языческимъ воспоминаніямъ, тяготѣвшимъ къ этому празднику, рождественская драма вертепа близка была къ народу и успѣла выработаться въ своеобразныхъ формахъ литературныхъ. Польша имѣла свою долю вліянія на происхождение и развитіе ея.

Праздникъ Рождества Христова наиболѣе способенъ былъ сдѣлаться темой народной пьесы: поклоненіе Христу пастуховъ вводитъ прямо въ число дѣйствующихъ лицъ событія представителей народной жизни. Почти всеобщій обычай западной Европы заставлялъ во время Рождества ставить въ церквахъ ясли и живописныя изображенія осла и быка. Францъ Ассизи, желая придать воспоминанію великаго событія еще болѣе наглядности, велѣлъ устроить ясли въ лѣсу и тамъ разыгрывать рождественскую драму. Въ Германіи съ празднованіемъ Рождества Христова соединяются остатки языческаго поклоненія богинѣ Гольдѣ или Берхтѣ, которой въ древнее время посвящены были двѣнадцать ночей передъ январемъ мѣсяцемъ. По народнымъ вѣрованіямъ богиня странствовала въ это время по селамъ, посѣщала крестьянскія избы, хвалила и поощряла женщинъ, прилежно занимавшихся пряжею, порицала и наказывала лѣнливыхъ. Христіанство дало этому вѣрованію новый видъ. Теперь въ Германіи около

этого времени ходить по селамъ переряженные люди, представляющие Христа или Богоматерь. Они входятъ въ избы, поощряютъ добрыхъ дѣтей, пугаютъ злыхъ. При переряженномъ странникѣ бываетъ одинъ или нѣсколько спутниковъ, которые носятъ имя то Іосифа, то Николая чудотворца. Одѣтый въ черную одежду, онъ пугаетъ дѣтей, грозитъ имъ ударами, общаетъ выколоть имъ глаза. Въ языческое время, спутникомъ Гольды былъ Knecht Ruprecht. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи господствуетъ другой обычай: молодые люди, особеннымъ образомъ наряженные, бродятъ по селамъ и полямъ съ бичами и колокольчиками: ими думаютъ отгонять старое божество, которое въ это время по общему повѣрью странствуетъ по землѣ. Послѣднему обычаю соотвѣтствуютъ наши колядованья: дѣти бродятъ съ пѣснями по селу и тѣмъ разгоняютъ злыхъ духовъ, которые въ это время вездѣ ищутъ себѣ убѣжища. У насъ въ XVII вѣкѣ, о Рождествѣ и до Богоявленева дня, „сходились мужскаго и женскаго пола многіе люди въ бѣсовское сонмище, на дьявольскія прелести, во многое бѣсовское дѣйство: играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рождества Христова клочки бѣсовскія клочутъ: Коляду, Таусень и Плугу“.

Въ Польшѣ, во время Рождества, во многихъ церквахъ разыгрывалась вертепная драма: въ церкви ставили изображеніе вертепа, въ которомъ помѣщались картонныя изображенія Богоматери, Іосифа, Христа, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей; зрителю видны были также быкъ, осель и овца Іоанна Крестителя. Представлялось избиеніе невинныхъ младенцевъ, въ числѣ которыхъ погибалъ и сынъ Ирода. Послѣдній въ припадкѣ отчаянія призывалъ смерть: она являлась въ видѣ скелета и снимала съ него голову; за нею выбѣгалъ діаволъ, весь черный, съ острыми рогами, длиннымъ хвостомъ, краснымъ языкомъ: онъ уносилъ трупъ Ирода въ адъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка, эти зрѣлища были однако запрещены, потому что вертепъ съ теченіемъ времени совершенно утратилъ церковный характеръ; въ немъ уже показы-

вались оживленные пляски солдатъ и крестьянокъ; въ немъ являлись и украинскій казакъ, и житель карпатскихъ горъ, и жидъ маркитантъ, умѣвшій всякаго обмануть и въ заключеніе попадавшій въ когти къ діаволу. Народный элементъ взялъ верхъ надъ церковнымъ. Въ Литвѣ, передъ крещеніемъ, на всѣхъ дверяхъ лишутъ латинскія буквы, которыми начинаются имена трехъ царей, приходившихъ на поклоненіе Христу, въ церквахъ, около престоловъ висятъ на лентахъ люльки, а въ нихъ лежитъ вылитое изъ воску изображеніе младенца; у изголовья стоятъ осель и быкъ; вокругъ люльки помѣщаются изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ. Подходящіе къ люлкѣ качаютъ ее три раза и молятся. Въ Литвѣ распространена и вертепная драма. — Подъ именемъ вертепа извѣстны ящики въ два этажа: въ первомъ и третьемъ этажѣ происходитъ дѣйствіе посредствомъ куколъ, второй назначенъ для машинъ и пружинъ, которыми приводятся въ движеніе фигуры. Въ Польшѣ и Малороссіи вертепъ является большею частію въ двухъ видахъ: представленія городского вертепа сопровождаются рѣчами показывающаго, который съ приличными измѣненіями голоса читаетъ поочереды роли куколъ; въ деревнѣ вертепъ сопровождается только пѣніемъ колядскихъ пѣсенъ. Вертепныя пьесы всегда и вездѣ находились въ связи съ мистеріями, служили зародышемъ или же сокращеніемъ ихъ. Меньше распространенія и значенія должны были онѣ имѣть въ западной Европѣ, встрѣчая опасное соперничество въ духовной драмѣ; у насъ они долго были *для народа* единственнымъ видомъ духовной пьесы и даже забавныхъ интерлюдій. Драматическое изображеніе жизни народа и сатирическія изліянія его антипатій нашли себѣ мѣсто въ полумимовизованныхъ пьесахъ вертепа: въ немъ прежде всего эпизоды духовной драмы переплелись съ картинами обыденной жизни и народнаго быта; забавный интерлюдій незамѣтно вкрадывался въ рождественскую драму. Представленіе вертепа открывалось напр. поклоненіемъ волхвовъ Христу. Затѣмъ, изъ боковой башенки вы-

ходилъ полякъ, на встрѣчу ему женщина въ національномъ костюмѣ: отдавши другъ другу поклонъ, они начинали пляску, которая смѣнялась малороссійскимъ танцемъ. На сцену является и цыганъ съ медвѣдемъ и работникомъ. Разнообразныя пляски ихъ оканчиваются выходомъ царя Ирода, котораго сопровождаетъ неразлучный совѣтникъ его на всякое зло — жидъ. Иродъ грозитъ погубить весь свѣтъ; но смерть пресѣкаетъ свою косою хвостовство царя и навѣты жида. На сценѣ показывается ненадолго сѣтующая Ревекка; а тамъ библейскія событія снова замѣняются сценами народной жизни во время святокъ: чаровница дѣлаетъ масло, а дьяволъ украдкою выпиваетъ у ней сметану. Наиболѣе обыкновеннымъ содержаніемъ вертепной драмы была смерть Ирода послѣ его напрасной попытки умертвить Христа; во время представленія пѣлась польская пѣсня: *W żłobie leżą* и т. д.

Рождественская драма малорусскаго вертепа есть не что иное, какъ повтореніе рождественской пьесы въ томъ видѣ, какъ она ходила въ западной Европѣ или какъ писалъ ее Дмитрій Ростовскій; вертепное представленіе ея сопровождалось только пѣніемъ духовныхъ стиховъ и народныхъ дѣтскихъ славеній. Въ вертепѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, изображалось появленіе звѣзды на востокѣ, рожденіе Спасителя въ ясляхъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ. Во дворцѣ царя Ирода, куда переносится зритель, пиръ и музыка. Балъ открываютъ деревянные фигуры, которыя пляшутъ и вертятся, пока упадутъ въ обморокъ. Иродъ, очарованный красотою Иродіады, приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю и принести ее на блюдѣ. Затѣмъ, выскакиваетъ смерть: она отсѣкаетъ голову Ироду, который падаетъ. дрягаетъ ногами и кричитъ: „Очежъ лихо мыни! Якъ бы я знавъ, что всему причиною дивчата, тобъ ни танцовавъ, и ни жартовавъ. Караетъ за нихъ небесный Царь“. Иногда длинная народная пѣсня сопровождала всю исторію Рождества Христова, представлявшуюся на сценѣ; пѣсня начиналась словами:

Христось народився,
Весь міръ возвеселився.

Но и бѣдная народная драма Малороссіи стѣсняема была въ своемъ развитіи тѣмъ обстоятельствомъ, что попадала въ руки бурсаковъ кievской академіи, которые замѣняли народныя пѣсни схоластическими виршами школы.

Съ зрѣлищемъ вертепа часто соединяется другой народный обычай—хождение дѣтей со звѣздою для славленія, накануне и въ первые три дня Рождества Христова. Звѣзда дѣлается изъ бичайки, оклеенной желтой бумагой, пропитанной масломъ; на одной сторонѣ ея изображено лицо, на другой поклоненіе пастырей; въ срединѣ вставлена зажженная свѣча, чтобы рисунокъ былъ виденъ. Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ коронами на головахъ, ходять трое дѣтей и поють стихи о Рождествѣ Христовѣ:

Нова радость стала,
Яка не бувала и т. д.

Пѣсни оканчиваются просьбою о милостыни и могутъ быть названы драматизованными духовными стихами слѣпцовъ-нищихъ, „прошающихъ святую милостыню“. Дѣти, одѣтыя восточными царями, драматически исполняютъ передъ зрителями пародную легенду, которую пѣвцы, калики переходятъ, поють безъ драматической обстановки: становясь во единый кругъ, они

Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричать калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали...

Около вертепа и рождественской звѣзды группировались и драматически распредѣлялись народныя пѣсни и легенды, хранимыя то каликами переходящими, то дѣтьми, принимающими на себя роль народныхъ пѣвцовъ въ рождественскихъ обрадахъ.

Представленіе классической драмы вертепа—смерти Ирода сопровождалось часто колядками и пѣснями, которыя не имѣли никакого отношенія къ представляемому событію, а служили иногда отголосками языческихъ вѣрованій народа. То пѣли разсказъ о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ (или Краковъ) и не хотѣлъ отступить ни за какую дань, требуя, чтобъ ему выдали золотую дѣвицу; то слышались насмѣшливые стихи о жидлахъ, которые пустились промышлять обманомъ. Судьба святаго семейства, изображеніе котораго стояло въ серединѣ вертепа, объяснялась пѣніемъ народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ однихъ разсказывалось, какъ Марія просила ночлега у крестьянина: бѣднякъ мѣстомъ убѣжища могъ предложить ей только конюшню, гдѣ она и рождаетъ Христа; въ другихъ: какую нищету терпѣла Богородица; она не имѣетъ денегъ, чтобы купить пищи, и жалѣетъ, что не можетъ достать рыбы; ребенокъ Христосъ наловилъ ей рыбы, а ангелы приготовили ужинъ. Богоматерь удивляется чуду, и Христосъ говорить ей:

„A ty Matuchno nie wierzysz,
Zeby ja miał być Syn Boży“,
Oj stało nam się wesele,
Boże Narodzenie!
„Stworzyłem Żydów, Tatarów
I was Chorościanów“.
Oj stało etc.
„Stworzyłem ptactwo, robactwo
Sudziom na bogactwo“.
Oj stało etc. etc.

Третья легенда разсказывала, какъ св. Іоаннъ водить коней по крестьянскому полю: виѣстѣ съ Христомъ и св. Стефаномъ, пашетъ онъ золотымъ плугомъ, а Богоматерь за ними ходила:

Śniadanko nosiła,
Szczęścia im życzyła.

Легенда заключается молитвою объ урожаѣ. Такъ примкнуло къ вертепной драмѣ древнее вѣрованіе о божественныхъ покровителяхъ поля и основанный на немъ обрядъ призывать ихъ милость на пашню,—обрядъ, связанный въ старину съ обнесеніемъ плуга и съ процессією окружниковъ.

Кромѣ легендъ, въ которыхъ доносятся къ намъ вѣрованія языческой эпохи и которыя примкнули къ рождественской драмѣ, на сценѣ вертепа находили себѣ мѣсто и параболическія пьесы, *moralitys*, объяснявшіяся народными пѣснями и стихами. Довольно часто представлялась въ вертепѣ притча о богатомъ, который призывалъ къ себѣ всѣ земныя удовольствія и хвастался своимъ могуществомъ. Собесѣдникомъ богача была смерть: она напрасно старалась обратить его къ покаянію; богачъ надѣялся откупиться отъ нея. Когда уже она порушила его, богачъ со слезами проситъ у ней помилованія, чтобы покаяться; но смерть отвѣчаетъ ему:

Miales na to czasu dosyć,
Teraz nie dam się uprosić.

Діаволы и ангелы приходятъ по душу богача и начинаютъ спорить о ней. Эта вертепная пьеса представляетъ намъ не болѣе, какъ постановку на сцену одного изъ любимыхъ мотивовъ народной литературы. Какъ у насъ Аника-воинъ, встрѣтившись съ смертью, предлагаетъ ей золотую казну и умоляетъ ее объ отсрочкѣ, чтобы проститься съ отцомъ, съ матерью и покаяться, такъ точно богачъ въ польскомъ и малорусскомъ вертепѣ откупается отъ смерти тысячею копѣй серебра и золота и, видя бесполезность этой попытки, проситъ срока:

Niech dam komu co potrzeba,
By modlili za mnie Nieba.

Вертепная пьеса о Смерти и Богачѣ, а также и о самомъ Продѣ, кромѣ стиха объ Аникѣ-воинѣ, стоитъ въ ближайшей связи съ стихами о Лазарѣ и богатомъ, а черезъ нихъ съ тѣмъ богатымъ запасомъ народныхъ представленій, которыя

выразились въ „Пляскѣ мертвыхъ“. Эпизоды послѣдней украсили стѣны храмовъ и листы народныхъ книгъ, нашли себѣ мѣсто на средневѣковой сценѣ западной Европы, у насъ—въ вертепѣ и на лубочныхъ картинахъ. Связь вертепной пьесы съ лубочными пьесами и народными діалогами тѣмъ важнѣе, что въ послѣдствіи фигуры вертепа смѣнились лубочными картинами, и вертепъ превратился въ раскѣ, передавши ему свое содержаніе.

Вертепная драма, вращаясь въ кругу народа, пережила тѣ же два главные періода, которые ясно выдѣляются въ исторіи западной мистеріи: первоначальный, церковно-каноническій характеръ ея стерся и развѣялся отъ напора народныхъ началъ; церковное содержаніе мистерій сначала профанировалось сценами обыденной жизни, выходками народного юмора, апокрифическими вставками, интерлюдіями, а подъ копецъ было совершенно ими вытѣснено. Въ вертепѣ, забывшемъ рождественскую драму съ ея легендарной обстановкой, представлялись самыя разнообразныя сцены изъ народной жизни малоруссовъ. Около шинкаря жида, обманывавшаго покупателей, собирались въ вертепной комедіи самыя разнообразныя лица, и веселье ихъ всегда оканчивалось плохо для обманщика. Или представлялось въ вертепѣ возвращеніе домой пьянаго мужа: онъ капризничалъ, приказывалъ приготовить себѣ постель на дворѣ и предавался астрологическимъ наблюденіямъ. Указывая на созвѣздіе большой медвѣдицы, онъ спрашивалъ жену, какъ оно называется, и когда она отвѣчала: *Возъ* (общеупотребительное въ украинскомъ народѣ названіе созвѣздія), пьяный вскакивалъ и начиналъ бить свою жену за то, что она положила его, какъ собаку какую-ни будь, спать *подъ возомъ*.

IV. Значеніе кievской драмы для русскаго театра.

(Изъ ст. Петрова).

Имѣла ли кievская драма значеніе для сѣверной Россіи и содѣйствовала ли развитію сѣверно-русскаго, новѣйшаго театра?

На сѣверѣ Россіи кievскіе ученые долго были передовыми людьми, какъ единственные въ то время ученые. Въмѣстѣ съ ними перешла на сѣверъ и кievская драма. До появленія кievскихъ ученыхъ на сѣверѣ извѣстны были только „пещныя дѣйствія“ и другія богослужебныя представленія. Симеонъ Полоцкій къ этому „пещному дѣйствию“ прикрѣпилъ первыя свои мистеріи, писанныя для московскаго двора. Такова его „Комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ“. Предметъ ея—совершенно тотъ же, что и предметъ пещного дѣйствія. Вторая комедія, приписываемая тому же автору, продолжаетъ библейскую исторію о Навуходоносорѣ, начатую первою комедіей, и, слѣдовательно, тоже имѣетъ связь съ пещнымъ дѣйствиємъ, но связь отдаленную, потому что говоритъ не о сожженіи трехъ отроковъ, и не столько о Навуходоносорѣ, сколько о полководцѣ его Олофернѣ и Юдиѣи. Другія раннія произведенія драматическія, явившіяся на сѣверѣ Россіи, берутъ и развиваютъ религіозныя народныя стихи—о блудномъ сынѣ, объ Адамѣ и Евѣ, объ Іосифѣ и т. п. Таковы, напр., произведенія: „Комедія или дѣйствіе евангельской притчи о блудномъ сынѣ бываемое“, „Жалостная комедія“ о грѣхопаденіи Адама, „Іосифъ, сынъ Израилевъ“, „Исторія о царѣ Давидѣ и сынѣ его Соломонѣ“ и проч. Эти первоначальныя сѣверныя мистеріи отличаются сухостью и строго-церковнымъ характеромъ, какъ и мистеріи кievскія перваго періода.

Но, при всей своей сухости, онѣ важны въ томъ отношеніи, что, приспособляясь къ прежнимъ церковно-обряднымъ дѣйствіямъ и религіозно-народнымъ стихамъ, не имѣли рѣзкаго, отталкивающаго характера новизны, упрочили существованіе театра на сѣверѣ Россіи, а такимъ образомъ постепенно пролагали путь въ Россію пьесамъ другого характера—свѣтскаго, кромѣ того, и сами онѣ, по требованію обстоятельствъ, измѣняли нѣсколько своему прежнему характеру и пытались изображать текущую жизнь сѣверной Россіи и заниматься ея интересами. То и другое мы и замѣчаемъ въ исторіи сѣверно-

русскаго театра со времени Петра Великаго. Съ его времени, съ одной стороны, начинаютъ появляться въ Россіи переводныя пьесы свѣтскаго содержанія, съ другой стороны—драматическія произведенія ученыхъ Кіевской и затѣмъ Московской академіи пытаются заниматься общественными и политическими интересами Россіи.

Предвѣстницею свѣтскихъ переводныхъ пьесъ можно считать пьесу подъ заглавіемъ — „Баязетъ“, имѣющую предметомъ своимъ событіе изъ гражданской, а не священной исторіи, и заимствованную съ Запада, какъ это можно видѣть изъ названія шута по-голландски пикель-гариномъ. Но особенный наплывъ въ Россіи переводныхъ пьесъ произошелъ при Петрѣ Великомъ. Отъ его времени осталось или извѣстно по заглавіямъ очень много переводныхъ свѣтскихъ пьесъ. Таковы напр.: „Докторъ принужденный“, „о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ“ и др.

Эти переводныя пьесы, перѣдко въ подлинникѣ хорошія, разыгрывались въ Россіи выписными актерами, не понимавшими хорошо русскаго языка. При дурныхъ переводахъ пьесъ и при дурномъ знаніи актерами русскаго языка, театръ съ переводными пьесами былъ такъ плохъ, что самъ Петръ Великій сознавалъ этотъ недостатокъ и желалъ имѣть труппу актеровъ, по крайней мѣрѣ, изъ славянъ — чеховъ, которые бы легче могли давать представленія на русскомъ языкѣ. Нечего уже и говорить, что въ переводныхъ пьесахъ не могло быть никакого отношенія къ текущей дѣйствительности русской.

Что же касается драматическихъ произведеній кіевскихъ и московскихъ ученыхъ разсматриваемаго нами времени, то они, начинаясь съ библейскихъ сказаній, переходятъ отъ нихъ къ современнымъ событіямъ или же прямо начинаютъ съ этихъ событій. Таковы напр.: представленная въ Московской академіи комедія: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю“, въ которой отъ Апокалипсиса авторъ обращается къ современнымъ ему польскимъ событіямъ; „Пре-

славное торжество свободителя Ливоніи“ 1704 г., въ предисловіи къ которой говорится объ обычаяхъ сплетать похвальные вѣнцы побѣдителямъ, „наипаче въ академіяхъ и всякихъ школьныхъ собраніяхъ“; можетъ быть, „Стефанотокость“, съ намеками на покушеніе царевны Софіи—овладѣть престоломъ, и др. Кромѣ того, мы нашли комедію подъ названіемъ „Синописецъ и Езеки царь Израильскомъ“, въ концѣ которой написано: „сія комедія сложена учителемъ славено-греко-російской московской академіи школы риторики си есть красноглагольствіемъ Исакиемъ Хмарнымъ, аппо Domini 1728 году мѣсяца генваря въ 1 день“. Въ первомъ дѣйствіи этого „Синописца“ рассказывается библейская исторія о нападеніи на Езекию ассирійскаго царя и избавленіи отъ него Езекии; во второмъ дѣйствіи эта исторія прилагается къ Россіи и ея императорамъ. Здѣсь Россія благодаритъ Бога за дарованіе ей русскаго Езекии—Петра Великаго, съ Екатериною, но потомъ печалится по случаю смерти ихъ и утѣшается Петромъ II-мъ. Но особенно проникнуты современными интересами сѣверно-русской жизни „интерлюдіи или междувброшенные забавная игралища“, написанныя въ сѣверной Россіи какимъ-либо ученымъ Кіевской или Московской академіи, и „Разговоръ гражданина з селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“, написанный Теофаномъ Прокоповичемъ тоже на сѣверѣ Россіи.

Въ „интерлюдіяхъ или междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ“ являются на сцену тѣ же герои, какъ и въ интерлюдіяхъ Митрофана Довгалева, а именно: цыганъ, мошенники, соотвѣтствующіе яригамъ Довгалева, грекъ, жидъ, и др., показывающіе связь этихъ интерлюдій съ кіевскими. Но къ кіевскимъ героямъ въ рассматриваемыхъ нами интерлюдіяхъ присоединяются и сѣверно-русскіе, какъ-то: раскольникъ маркитантъ съ пирогами и простофиля-ставленикъ, дьячекъ съ своими дѣтьми. Въ нихъ-то и заключается главный интересъ рассматриваемыхъ интерлюдій. Рас-

кольникъ жалуется на то, что „жить въ мірѣ несносно и жестоко.

Послѣдняя бо времена, видишь, что приспѣли,
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.

Признаки пришествія антихриста раскольникъ видитъ въ поправіи старой вѣры, утвержденной „Макарѣвскимъ столѣвіемъ“, и во введеніи новой—никоніанской, въ перемѣнѣ платья, въ брадобритіи, ношеніи париковъ и т. п., и считалъ нужнымъ бѣгать „отъ строящихся раздоры“; но бѣжать ему некуда, потому раскольниковъ вездѣ находятъ люди новой вѣры—и въ Брынскихъ лѣсахъ, и въ Соловкахъ.

Наипаче насъ разоряютъ тѣ латинскія школы,
За коими нашъ простой по улицамъ учить народъ нѣтъ воли.

Не находя „спасенія во градѣ“, раскольникъ удаляется въ пустыню. Въ шестой интерлюдіи раскольникъ сводится съ жидомъ. Узнавши, что послѣдній — тоже „человѣкъ стараго закону“, раскольникъ принялъ его за единовѣрца своего и, къ великому удивленію жида, началъ его разспрашивать, какимъ крестомъ онъ молится, есть ли въ Іерусалимѣ поповщина, аввакумовщина и другія раскольниковскія секты. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ открылось, что оба собесѣдника—различной вѣры. Они начали между собою спорить о томъ, чья вѣра старше, жидовская или раскольниковская, и, не рѣшивши спора сами, пригласили въ посредники цыгана, который, несмотря на несогласіе раскольника признать его компетентнымъ судьей въ спорномъ предметѣ, безцеремонно учить раскольника,—„якъ треба людей шановать“. Въ третьей интерлюдіи является маркитантъ съ пирогами, „вельми ихъ похваляя“, и соблазняетъ дьячка-ставленника полакомиться ими. Но лишь только ставленникъ расположится ѣсть пироги,—къ нему подходятъ мошенники и, начавши съ красныхъ словъ, оканчиваютъ взаимной потасовкою, во время которой вытащили у ставленника изъ кармана деньги и затѣмъ ушли.

Между тѣмъ дьячекъ, наѣвши пироговъ, не имѣлъ чѣмъ расплатиться за нихъ и долженъ былъ оставить у марки-танта свою шапку. Въ четвертомъ интерлюдѣ дьячекъ за-ставляетъ своихъ „дѣтушекъ бажонныхъ“ поиграть, чтобы по-веселить его старика съ старухой-матерью. Но эта нѣжная патріархальная картина внезапно возмущается приходомъ подъячихъ, присланныхъ правительствомъ—отбирать попов-скихъ дѣтей и отправлять ихъ „въ серимарію на муку“. Дьячокъ умоляетъ подъячаго не отбирать у него дѣтей въ школу и написать, „что они еще не годны лѣтами“. Подъя-чій за пятнадцать рублей согласился на обманъ; но скоро приходитъ къ дьячку другой подъячій и забираетъ его дѣ-тей въ школу, несмотря на плачь и рыданія дьячка.

Въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ“, Теофана Прокоповича, гражда-нинъ играетъ главную роль. Онъ владѣетъ образованіемъ и, какъ видно изъ дальнѣйшаго разговора, воспитывался въ ла-тинскихъ школахъ. Разговоръ начался съ того, что селя-нинъ, шедшій съ дьячкомъ въ питейный домъ, зацѣпилъ гражданина дерзкимъ вопросомъ, за что послѣдній назвалъ селянина простакомъ; селянинъ отвѣчаетъ, что не худо бы и ему гражданину быть такимъ простакомъ, какъ онъ, что видалъ онъ подобныхъ гражданину мудрецовъ, „которые и слова, противъ такихъ, какъ я, говорятъ не знаютъ“. Для примѣра онъ рассказалъ, что священникъ его прихода сталъ однажды спрашивать идіота (т. е. простого человѣка), про-шеннаго въ кумовья,—„умѣешь ли де самъ Богу молиться и Отче нашъ прочитаешь ли? На тое идіотъ коротко да узло-вато отказалъ, такъ что попъ и слова не могъ уже отвѣ-тити ему“, и кромѣ того за безчестіе свое обѣщался бить челомъ на попа въ консисторію. Когда гражданинъ сталъ утверждать, что священникъ справедливо поступилъ съ идіо-томъ, и что челобитная не будетъ имѣть успѣха, тогда вмѣ-шался въ разговоръ и дьячокъ и старается доказать, что излишнее идіоту знать молитвы. По этому случаю начинается

длинный разговоръ гражданина съ дьячкомъ о необходимости знать молитвы, о невѣжествѣ въ религиозныхъ дѣлахъ и его тяжести, и проч., во время котораго дьячокъ незамѣтно переходитъ на сторону гражданина. Въ общемъ ходѣ разговоръ этотъ слишкомъ растянуть и вѣдь, но въ немъ есть нѣкоторыя характерныя мѣста, стоѣющія вниманія. Таковы особенно два мѣста: одно, гдѣ изображается вводимый въ разговоръ простолюдинъ, и другое—о латинскомъ ученіи и о латинникахъ — невѣждахъ. Селянинъ представляется въ разговорѣ упорнымъ невѣждою, который не хочетъ ни слушать священника, если онъ говорить то, „чего ни отцы, ни дѣды наши не знали... еще другой попъ и молодѣсть есть учить насъ“, ни учиться грамотѣ, потому что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣсть, и философы, по его разсужденію, „звѣздъ не снимаютъ“. Но, разумѣется, селянинъ не могъ сговорить съ учеными собесѣдниками своими, а потому больше отмалчивался или же ворчалъ про себя: „Отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда писменніи и латинники умножились“. Но тогда собесѣдники незамѣтно вовлекали его въ разговоръ,—и тогда-то открывалось грубое невѣжество селянина касательно вѣры и нравственности, еще ярче отгнѣняемое глубокимъ, правильнымъ взглядомъ на эти предметы его собесѣдниковъ. Таковъ разговоръ о десятословіи. Когда собесѣдники грозили ему гнѣвомъ Божиимъ за упорное невѣжество, селянинъ отвѣчаетъ, что онъ не убилъ, не украсть, а потому нечего ему страшиться суда Божія. Собесѣдники стараются убѣдить его, что онъ грѣшилъ противъ этихъ заповѣдей, если не дѣломъ, то мыслию.

Гражд. Хотя возжелалъ ли еси не единожды себѣ того, что есть чуждее, не твое?

Сел. Безъ сего и ангель, аще бы былъ въ тѣлѣ нашемъ и жилъ съ нами, не пребылъ бы, уповаю; но что по тому хотѣти токмо чуждаго пожеланіемъ единымъ бежъ исполненія онаго? Я бы усердно хотѣлъ своего сосѣда Немѣна отнять дворъ помѣжъ моего сущій, зѣло къ потребѣ моей угодній и

на пристойномъ отвсюду издали зримомъ и по всему красномъ мѣстѣ стоящій, при которомъ и вода течетъ и лѣсъ густѣй растетъ; но Немѣнъ не попускаетъ ми, развѣ когда умретъ онъ, якъ часто болѣзнующій есть, — тогда всячески потщуся тотъ дворъ къ своему присовокупить; ибо и причины уже нѣкоторыя къ тому имѣю.

Гражд. Какія?

Сел. Взялъ у мене онъ нѣчто денегъ взаймы и не отдаетъ, азъ же молчу не упоминался.

Гражд. Не хочетъ ли отдавати денегъ?

Сел. Какъ не хочетъ? Ужъ и приносилъ онѣ, но азъ, предувѣдавъ его принести имущаго денги, изъ дому умыслно втекалъ, а между тѣмъ срокъ отдачѣ пройдетъ, и потому дворъ мой будетъ, котораго давно желаю; дѣти же Немѣновы малолѣтны суть, неумѣтимуть обстоивать за свое; да то бѣдно мнѣ, что самъ не скоро умираетъ.

По поводу послѣднихъ словъ, собесѣдники уличаютъ селянина въ желаніи смерти ближнему и въ мысленномъ убійствѣ.

Другое замѣчательное мѣсто разговора—о латинникахъ и латинскомъ ученіи. Дьячокъ, вполне уже подчинившійся силѣ убѣжденія гражданина, высказываетъ предъ нимъ свои сомнѣнія касательно латинскаго ученія, —угодно ли оно Богу, нужно ли прилагаться въ наученія странныя и различная, т.-е. къ чужеземной наукѣ, и занятіе философіею не будетъ ли противно словамъ св. Писанія, въ которомъ сказано—да никто же васъ будетъ прельщая философіею. Гражданинъ разбиваетъ сомнѣнія чтеца, утверждаясь, въ свою очередь, на священномъ Писаніи примѣрахъ св. отцовъ. Но, защитивъ латинское ученіе, гражданинъ показываетъ и дурныя стороны, и особенно нападаетъ на невѣждъ изъ латинниковъ.

Пѣв. „Аще сказать истину, и латинники не вси письменніи.

Гражд. Письменніи почитай вси суть, но не вси, — скажуй, —разумніи; иніи бо токмо читать или писать знаютъ и

тѣмъ величаются; аще же разглагольствовать по-латини умѣють, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтають, презирая гордо прочіихъ всѣхъ неучившихся письма латинскаго.

Пѣв. И таковыи убо латинники отъ числа невѣждъ суть?

Гражд. Воистину и горшіи отъ невѣждъ имѣются... Между ними есть еще многорѣчивыи невѣжды, которыи егда кто отъ правоумствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе или неправое исповѣданіе, ничтоже сильное и къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ отвѣтъ, то отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда, краснословесіемъ мнѣніе свое утверждаютъ, истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умыслно пріискуя къ тому вѣтійственныя къ прелщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердець угодныя рѣчи и доводы, аще и весьма не важные, однако благіе и слуху токмо пріятныя (Къ римл. 16, ст. 18). Изъ того, что вдается имъ тотъ способъ разговора, торжествуютъ, и сіи суть хитроупорные невѣжды... Есть еще злобныи и завистливыи невѣжды, которыи, завидуя на другихъ себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу писанія лучше себѣ вѣдущихъ, и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ истину слова Божія, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіею словеси, не хотя ни слышати, ни разумѣти глаголемаго отъ устъ ихъ, аще потребно быти къ наставленію своему по совѣсти знаютъ, и за симъ въ невѣдѣніи волею остаются.

Пѣв. Уже о сицевыхъ невѣждахъ и слышати отъ тебе непріятно ми есть.

Гражд. Не и ты ли отъ ненависти коея глаголеши сія, яко же онѣ близъ реченніи невѣжды?

Пѣв. Никакоже; азъ, гнушаяся тѣми безсовѣстными невѣждами рѣкохъ иное.

Гражд. Обаче не могу сказати еще, яко обрѣтаются симъ, о которыхъ рѣчь, подобніи, но всячески злобніи, которыи егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣ-

дуя его, но онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются, а какъ сами ученія или рѣчи его богоразумнія не слушаютъ и слушати не хотятъ, умыслно удаляясь отъ того, — такъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ по злобѣ своей, имѣющейсѣ къ персонѣ того, который проповѣдуетъ; ненавидяще бо его самого, купно и слова Божія имъ сказуемаго ненавидятъ, паче же и ученіе его аще и правое и здоровое злосовѣстнѣ охуждаютъ и въ омерзѣніе другимъ того коварства ихъ невѣдущимъ подаютъ“. Кромѣ этихъ произведеній кіево-московскихъ ученыхъ, явившихся на сѣверѣ, сюда цѣликомъ заходили пьесы, сочиненныя и исполнявшіяся первоначально въ Кіевской академіи, безъ всякаго измѣненія, какъ напр. „Владимиръ“ Ѳеофана Прокоповича. Отсюда произошло то, что большая часть кіевскихъ драматическихъ произведеній сохранились и изданы были на сѣверѣ Россіи.

Сравнивая эти драматическія произведенія ученыхъ Кіевской и Московской академіи съ чисто-переводными иностранными піесами, — въ тѣхъ и другихъ мы замѣчаемъ свои достоинства и недостатки. Переводныя піесы не имѣли исключительнаго церковнаго характера, какъ кіевскія, и въ подлинникѣ нерѣдко были высокаго достоинства; но въ переводѣ на русскій языкъ они значительно искажались и, какъ само собою понятно, не могли имѣть никакого отношенія къ текущимъ событіямъ русской жизни. Между тѣмъ, кіевскіе и московскіе драматурги, получившіе болѣе или менѣе систематическое образованіе, владѣли гибкою и изворотливою мыслию, которая могла быть, по требованію обстоятельствъ, самостоятельно-производительною и выражать современные общественные и политическіе интересы Россіи. Потому ихъ драматическія произведенія, при всемъ ихъ одностороннемъ церковно-религіозномъ направленіи, были единственными сколько-нибудь національными драматическими произведеніями, каковыми, разумѣется, никакъ не могли назваться переводныя западныя пьесы. Для послѣдующей драмы русской оставалось соединить свѣтскій характеръ переводныхъ

западныхъ пьесъ съ самостоятельною производительностію кievско-драматическаго искусства. Это и сдѣлалъ Сумароковъ, считавшійся отцомъ новѣйшаго театра русскаго: его произведенія — *Хоревъ*, *Семира*, *Синавъ и Труворъ*, *Мстиславъ и Димитрій Самозванецъ*—свѣтскаго характера, и въ то же время берутъ содержаніе для себя изъ отечественной исторіи и большею частію изъ того періода ея, изъ котораго взялъ содержаніе для своего Владимира и Теофанъ Прокоповичъ. А такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ развитіи новѣйшаго театра русскаго, кievская драма была первою посылкою, переводная иностранная — второю, а новѣйшій театръ Сумарокова — логическимъ выводомъ изъ этихъ посылокъ.

4/50

291.7208
D 775

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
Stanford, California

DEC 16 1987 APR 8 1988	JUN 1989	
JUN 1 1988		

